

10 Сентября.

№ 26.

1908 года.

ПОЛТАВСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

XIII глава перваго посланія Апостола Павла къ Коринтянамъ.

(Окончаніе).

Такъ ярко рисуется намъ св. Златоустъ смыслъ краткаго, но глубокаго и сильнаго свидѣтельства Павла о превосходствѣ любви. Самый высокій подвигъ, безъ нея ничтоженъ. Но и перечисленіемъ подвиговъ, Апостоль не ограничивается. Онъ указываетъ намъ на отличительныя черты присутія любви которыми еще болѣе ярко обрисовывается ея превосходство предъ всѣми дарами и подвигами. Черты эти, каждая порознь, составляютъ добродѣтели вполне самостоятельныя, но любовь соединяетъ ихъ въ одинъ тѣсный, неразрывный союзъ и всѣ они отражаются въ ней какъ въ одномъ фокусѣ, или какъ множество солнечныхъ лучей въ одномъ спектрѣ.

„Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается не мыслить зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ. Все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ“ (ст. 4—7).

Такъ удивительно богата добродѣтелями любовь. Будучи безмѣрно выше каждой изъ нихъ въ отдѣльности, она всѣхъ ихъ объединяетъ въ себѣ. Апостоль такъ отчетливо и ясно говоритъ о великой красотѣ любви, что его слова почти не нуждаются въ поясненіяхъ. Но дабы глубже вникнуть въ смыслъ его рѣчи, остановимся нѣсколько на ней.

„Доказавъ, что безъ любви нѣтъ большой пользы ни отъ вѣры, ни отъ знанія, ни отъ пророчества, ни отъ дара языковъ, ни даже отъ совершенной жизни и мученичества, говоритъ Златоустъ, апостолъ описываетъ какъ и необходимо было, безпримѣрную красоту ея, украшая ея изображение, какъ бы какими нибудь красками, различными родами добродѣтели и тщательно соединяя всѣ ея части. По сему, возлюбленный, будь внимателенъ къ сказанному и вникни въ каждое слово съ великимъ тщаніемъ, дабы видѣть и совершенство предмета и искусство живописца“¹⁾.

Исходя изъ этого возрѣнія Златоуста рассмотримъ въ отдѣльности каждую изъ указанныхъ апостоломъ добродѣтелей.

„Любовь долготерпитъ“. Очень просто и ясно. Всякаго рода непріятности, оскорбленія и напраслины, все то, что вызываетъ у обыкновеннаго человѣка не имѣющаго любви, чувство гнѣва и отмщенія—любовь переноситъ благодушно. Долготерпѣніе даруетъ человѣку душевное спокойствіе и любовь награждая его этою добродѣтелью даетъ ему великую крѣпость духа. Прекрасно говоритъ Златоустъ о человѣкѣ, котораго любовь снабдила долготерпѣніемъ: „причинишь ли ему вредъ, не подвинешь этого камня; нанесешь ли ему удары, не сокрушишь этого алмазита“.

„Милосердствуетъ“,—по словамъ Златоуста, кротко поступаетъ съ пламенѣющими гнѣвомъ, чтобы укротить его и погасить и не только мужественнымъ терпѣніемъ, но и угожденіемъ и увѣщаніемъ врачуетъ рану и исцѣляетъ язву гнѣва“. И не только врачуетъ гнѣвъ милосердіе, но сочувствуетъ людскому горю, снисходитъ къ ошибкамъ.— Милосердіе исходящее изъ любви не дѣлаетъ различія между людьми, оно одинаково готово помочь всѣмъ. Въ сердце милостиваго человѣка открытъ доступъ всему міру. И велика награда за это: „блаженны милостивые ибо они помилованы будутъ—сказалъ Господь“.

Любовь не завидуетъ. Ей незнакомо чувство зависти. Дѣлая людямъ только добро, неужели она будетъ завидовать плодамъ этого добра, завидовать преимуществамъ другихъ? И если она этого не можетъ сдѣлать, то и не превозносится, если отмѣчаетъ въ другихъ недостатки. Благо-

¹⁾ Ibidem.

разуміе руководить любовью. Имъ проникается человѣкъ служащій всецѣло дѣлу любви и никогда не позволитъ себѣ ни завидовать ни заносится.

Не гордится, также любовь. Укажите въ Евангеліи примѣръ когда Христось, совершеннѣйшій образецъ любви, гордился чѣмъ либо?

Не безчинствуетъ, — ни въ чемъ не находитъ для себя чего либо неблагопріятнаго, „не отказывается, по словамъ блаженнаго Феодорита, для пользы братій сдѣлать что либо и унижительное, не почитаетъ и такого дѣйствія для себя неблагоприличнымъ“ ¹⁾).

„Не ищетъ своего“. Чувство эгоистическаго самоудовлетворенія неизвѣстно любви. Благо ближняго выше личныхъ интересовъ. Въ другомъ мѣстѣ посланія, Павелъ ясно устанавливаетъ этотъ святой залогъ: „никто не ищи своего, но каждый пользы другого“ (1 Кор. X, 24)

Не раздражается. Не только чувство раздраженія по любви невѣдомо и огорченіе. Избѣгая всего, что препятствуетъ добру, она естественно и „не мыслить зла“.

А если такъ, то безъ сомнѣнія „не радуется о неправдѣ, а сорадуется истинѣ“. Феодоритъ говоритъ: „ненавидитъ противозаконное, веселится о томъ, что хорошо“.

„Все покрываетъ“ по своей кротости, по долготерпѣнію. Всему вѣритъ — не имѣя хитрости и лукавства. Всего надѣется; видя ошибки другого, глубокое паденіе не отчаивается надѣясь переменны къ лучшему. Все терпитъ — даже и паденіе ближняго, безуспѣшность въ плодахъ добра. Златоустъ, объясняя слова: всему вѣритъ, все надѣется, все терпитъ“, такъ говоритъ о всеобъемлющей христіанской любви: „не отчаиваясь ожидаетъ отъ любимаго человѣка всего добраго и, хотя бы онъ былъ худъ, не перестаетъ исправлять его, пецись и заботиться о немъ; и не просто надѣется, но съ увѣренностью, потому, что сильно любить; и хотя бы сверхъ чаянія не происходило добра, и даже любимый становился бы еще хуже, она переноситъ и это“ ²⁾).

Обозрѣвая кратко сказанное апостоломъ о высокихъ достоинствахъ любви, мы можетъ быть многого не сказали.

1) Феодоритъ еп. Кирскій. Творенія. Изд. Моск. Дух. Академіи 1907 г.

2) Златоустъ, Цитов., бесѣды на 1-е посл. Кор.

Эта тема такъ широка, что о ней можно говорить много и это многое будетъ, притомъ, далеко не все. И въ виду неисчерпаемости темы, мы избѣгали многословія.

Заключимъ обзоръ великихъ достоинствъ любви прекрасными словами Берсье:

„Значить, правда, что мы можемъ учиться любить, значить, правда, что сердце можетъ побѣждать природу (т. е. инстинкты своей природы—вмѣсто мести врагу платить добромъ, вмѣсто гнѣва и раздраженія отвѣчать любовью и кротостію). Любви открыто безконечное, не то безконечное въ безпорядкѣ, гдѣ она находитъ только рабство въ подчиненіи плоти, а то высшее безконечное, гдѣ любовь Божественная ширится въ своей вѣчной полнотѣ, и гдѣ она можетъ обнимать всѣ существа, даже тѣ, къ которымъ сердце въ своемъ естественномъ состояніи испытывало бы только ненависть и отвращеніе“¹⁾.

Чудная картина души управляемой любовью, раскрывается въ сжатыхъ, но богатыхъ смысломъ, выраженіяхъ апостола и, будучи глубоко вѣрною психологически, она бессмертна, какъ бессмертна и самая любовь.

„Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится“ (ст. 8).

Ничто не долговѣчно такъ какъ любовь. Ея бессмертіе обусловливается тѣми высокими достоинствами, какіе преобладаютъ, возрождаютъ человѣческую душу. Прекратится пророчество—все будетъ доступно пониманію. Умолкнутъ языки—не будетъ различія между народами говорящими ими и научившимися понимать ихъ такъ какъ мало по мало родъ людской прійдетъ къ единодушію. Знаніе несовершенное, частное, упразднится—оно станетъ полнымъ нагляднымъ. Всему тому къ чему такъ ревностно стремились Коринѣяне, прійдетъ конецъ болѣе или менѣе скорый. Одна только любовь переживетъ не только дарованія, но и многія, многія поколѣнія и народы. Никогда не перестанетъ. Вотъ почему то, что сказано апостоломъ по поводу Коринѣянь вѣчно и служить одинаковымъ назиданіемъ для всѣхъ временъ, народовъ, поколѣній.

Провозглашая, что „любовь долготерпитъ, не завидуетъ, не превозносится, не безчинствуетъ и т. д. апостоль Па-

¹⁾ Пасторъ Евг. Берсье. Беенды!

вель разумѣтся, имѣль ввиду Коринѳянь и ихъ пороки: они завидовали, стремились достигнуть дарованій, раздѣлялись на партіи и хвастались своими учителями безчинствовали извративъ понятіе о вечерахъ любви. которыя пропитывали убогихъ и поддерживали на зарѣ христіанства единеніе между его послѣдователями. Указывая Коринѳянамъ „превосходнѣйшій путь“, который уничтожалъ пороки возникшіе въ ихъ средѣ, Павелъ провозгласилъ истину вѣчную, которая всегда будетъ назидать міръ.

Свою рѣчь о безсмертіи любви онъ развиваетъ далѣе:

„Ибо мы отчасти знаемъ, а отчасти пророчествуемъ. Когда же настанетъ совершенное, тогда то, что отчасти прекратится. Когда я былъ младенецъ, то по младенчески говорилъ, по младенчески мыслилъ, по младенчески разсуждалъ, а какъ сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое. Теперь мы видимъ какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицомъ къ лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно, какъ я познаю“ (ст. 9—12).

Теперь мы знаемъ далеко не все, несмотря на наше самомнѣніе, а только отчасти, но это до тѣхъ поръ, пока мы не станемъ совершенны. Тогда все это само собою прекратится. Апостоль проводитъ аналогію между младенчествомъ и нравственнымъ несовершенствомъ, между совершеннымъ выростомъ и совершенствомъ нравственнымъ. Наглядно, и просто, и очевидно. „Когда я былъ младенцемъ, говоритъ онъ, то по младенчески говорилъ, по младенчески мыслилъ, по младенчески разсуждалъ“. На всемъ былъ отпечатокъ несовершенства въ рѣчи, въ мысляхъ, въ сужденіяхъ. Павелъ для ясности не напрасно повторяетъ о своемъ младенествѣ чтобы показать общее несовершенство души. Но приходя въ возрастъ „а какъ сталъ мужемъ, оставилъ младенческое“. Кругозоръ расширился, прояснилось пониманіе. Апостолу мало въ данномъ случаѣ аналогіи младенчества. Онъ приводитъ еще примѣръ разсматриванія предметовъ сквозь тусклое стекло. Это вмѣстѣ съ тѣмъ дополняетъ картину младенческаго состоянія. Младенческое состояніе тоже, что наблюденія сквозь тусклое стекло. Съ проясненіемъ же сознанія, человѣкъ приближается лицомъ къ лицу къ истинѣ. Совершенствуясь нравственно, преуспѣвая въ нравственности, человѣкъ познаетъ вѣковѣчную истину, открываемую въ любви и все прежнее отойдетъ на задній

планъ. Его ужъ не надобно будетъ больше, какъ не надобно возвращенія къ младенчеству или употребленію тусклаго стекла.—Въ любви достигается совершенство, она—полнота всего, открывающая широкія горизонты вѣчной Евангельской правды. Однимъ словомъ, любовь вѣчна, безсмертна.

А вмѣстѣ съ вѣчностью ея, выдвигается и безсмертное значеніе самой проповѣди о ней, относящееся ко всякому времени, ко всѣмъ вообще людямъ, точно также какъ она относилась къ Коринѣянамъ.

„А теперъ пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше“ (ст. 13).

Безсмертная, вѣчная, высшая изъ всѣхъ добродѣтелей, любовь, выше вѣры и надежды. Почему? Въ своихъ писаніяхъ Павелъ такъ опредѣляетъ вѣру: „вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей же обличеніе невидимыхъ (Евр. XI, 1). По обнаруженіи вещей въ вѣрѣ не будетъ нужды. Также и надежда. „Мы спасены въ надеждѣ“ (Рим. VIII, 24), учитъ апостоль но это до тѣхъ поръ, пока не осуществится она, пока не увидимъ то, на что надѣялись. А когда это произойдетъ, не будетъ мѣста надеждѣ. Апостоль прямо раскрываетъ эту истину: „надежда же когда видитъ, не есть надежда: ибо если кто видитъ, то чего ему и надѣятся?“ (VIII, 24). Совершенно справедливо. Въ будущей жизни, на примѣръ, мы увидимъ, очевидно, все то на что надѣялись и во что научены вѣровать. Будетъ ли тогда надобность въ надеждѣ и вѣрѣ? Само собою, ясно, въ нихъ больше не встрѣтится надобности. Они сбылись. Но для осуществленія ихъ необходима помощь любви. Ею сбывается все. Слѣдовательно, она сильнѣе вѣры и надежды такъ какъ переживаетъ ихъ, приводитъ человѣка къ совершенству. И потому она больше. Таковъ естественный выводъ.

Этимъ и заканчивается гимнъ любви апостола Павла.

И такъ, вездѣ во всемъ видна высота любви. Съ чѣмъ бы высокимъ ее не сравнили мы, она выше. Нѣтъ ничего чтобы могло превосходить любовь. И потому она неизбѣжнѣе, существеннѣе всего для человѣка. Всѣ добродѣтели безъ нея—пустой звукъ и для ихъ полноты, вообще для достиженія человѣкомъ совершенства, любовь необходима. Къ ней, какъ къ началу и концу нравственного совершенства, человѣкъ долженъ стремиться.

„Возлюби! (Мѡ. XXII, 35). Это слово, говоритъ пасторъ Берсье, служить безсмертнымъ сокращеніемъ закона, которое Иисусъ Христосъ поставилъ основнымъ правиломъ всей нравственности жизни нашей.

„Любовь есть законъ... Въ этого закона, для тварей, которыя хотѣли бы остаться непослушными ему, возможно только блужданіе, страданіе и смерть.

„Христіанство заповѣдало привязанности такія, какихъ природа никогда не внушала человѣку; оно ихъ благословляетъ, оно ихъ вызываетъ“ ¹⁾.

Христосъ, проводя въ жизнь великія идеи любви всею жизнію своею, отъ выступленія на проповѣдь до Голгофской жертвы, предъ лицомъ всего міра, являлъ Собою высокою и совершеннѣйшею образецъ ея. Онъ былъ весь любовь, любовь чистая, совершенная. Предъ ея величіемъ, человѣческая совѣсть останавливается въ смущеніи. Бѣдники, невѣжды, жалкіе люди, тѣ, о которыхъ никто никогда не заботился, были предметомъ любви Христа. Онъ не пришелъ для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить (Матѡ. XX, 28). Въ награду за это, Онъ терпитъ поношенія и, наконецъ оставляется всеми вѣнчается терновымъ вѣнкомъ, пригвождается на Крестѣ. Міръ не понялъ, не оцѣнилъ Его любви. Тѣмъ не менѣе, Христосъ возлюбилъ міръ искренно, безкорыстно и душу свою положилъ за него, за его спасеніе.

Но не только міръ не понялъ любви, ея не уразумѣли и ближайшіе Его послѣдователи. Припомнимъ то обстоятельство, когда на тайной вечери Христосъ омывалъ ноги ученикамъ исполняя обязанность слуги и въ томъ числѣ омылъ ноги предателю Своему Іудѣ. Это было наглядное доказательство любви Его, не иносказательное, подразумеваемое, но очевидное. Такъ и говоритъ объ этомъ Евангелистъ Іоаннъ: „Иисусъ зная что пришелъ часъ Его, перейти отъ міра сего къ Отцу, явилъ дѣломъ, что возлюбилъ Своихъ сушихъ въ мірѣ, до конца возлюбилъ ихъ (Ев. Іоан. XIII, 1). Но и этотъ очевидный поступокъ Его, привелъ въ недоумѣніе учениковъ. Петръ выразилъ его словами. „Что Я дѣлаю теперь, замѣтилъ ему Христосъ, ты не знаешь и уразумѣешь послѣ“ (— XIII, 7). Не уразумѣлъ

¹⁾ Gidem.

сего и предатель. Но всё потомъ уразумѣли, даже у Иуды открылись очи хотя и поздно. И пронесли ученики Христовы Благовѣстіе Любви не только по Іудеѣ и Самаріи но, какъ сказано, „даже до края земли“.

Такова Христова любовь. Онъ умеръ за всѣхъ, не за друзей только но и за враговъ. „Отче! отпусти имъ, они не знаютъ, что дѣлаютъ“, — молился Онъ за распинателей Своихъ, не презирая, но покрывая любовью ихъ ослѣпленіе.

Что можетъ бытъ выше такой любви?

Пусть земная мудрость не понимаетъ ея и теиерь, какъ не постигъ ея тогда слѣпой, младенческой умъ, все же величіе ея неизмѣнно. Каждое слово Евангелія живо, одухотворено любовью. Ею проникнуты апостольскія писанія. Словомъ, въ ней — источникъ христіанскаго Благовѣстія.

Великой, всеобъемлющей идеей любви всецѣло проникся ближайшій, любимый Христомъ ученикъ Іоаннъ. Евангеліе, написанное имъ, почти исключительно посвящено любви.

Ему поревновалъ апостоль Павелъ. Благовѣствуя преимущественно язычникамъ, онъ всѣми силами старался согрѣть ихъ грубыя сердца теплотою Божественной любви.

Любовь служила „ключемъ“ всей его проповѣди. И его возвышенный, чистый взглядъ на любовь вылился въ 1-мъ посланіи къ Коринтеянамъ, въ гимнъ, красивыя, и лаконичныя вмѣстѣ съ тѣмъ, выраженія котораго вмѣщаютъ въ себѣ всю сущность понятія о любви. Это вмѣстѣ и гимнъ, въ собственномъ смыслѣ, и проповѣдь поразительная по убѣдительности, въ которой одно слово скрываетъ въ себѣ то блестящую мысль, то художественный образъ, оставляющій въ душѣ глубокое впечатлѣніе

Такою представляется намъ XIII глава 1-го посланія къ Коринтеянамъ. Таковы ея мотивы и глубокой, внутренней смыслъ содержанія.

Священникъ *Г. Н. Корсунъ*

Къ вопросу о преподаваніи Закона Божія въ нашей начальной одноклассной школѣ.

По окончаніи выпускныхъ экзаменовъ въ нашихъ начальныхъ школахъ въ истекшемъ учебномъ году общественное

мнѣніе, какъ въ устныхъ бесѣдахъ, такъ и въ печати какъ-то больше и живѣе, чѣмъ въ прежніе годы, стало занимать-ся изысканіемъ причинъ современнаго упадка успѣховъ школьниковъ по всѣмъ предметамъ начальной школы, особенно по Закону Божію. Въ „Полтавскомъ вѣстникѣ“ возникла даже сложная переписка полемика у одной учительницы (кажется, земской школы) съ священниками—законоучителями. Учительница проливаетъ горькія слезы по поводу плохихъ отвѣтовъ по Закону Божію на экзаменѣ и, конечно, обвиняетъ въ этомъ своего батюшку законоучителя.

Ненормальныя отношенія между нѣкоторымъ земскими учителями и священниками—законоучителями—обычная и слишкомъ давняя исторія... Первые, ревниво оберегая авторитетъ завѣдывающей школой, далеко не рѣдко склонны бываютъ подчинить себѣ, при случаѣ умалить въ глазахъ школьниковъ и ихъ родителей то важное и серіозное значеніе, какое по идеѣ въ отношеніи къ школѣ долженъ имѣть священникъ какъ духовный руководитель и законоучитель... Еще недавно при, такъ называемой поурочной платѣ, на почвѣ счетовъ данныхъ и пропущенныхъ законоучителемъ уроковъ выходили такія „исторіи“, что даже опытные, много лѣтъ прослужившіе и весьма усердные къ своему дѣлу священники предпочитали отказываться отъ настоятельныхъ предложеній г.г. инспекторовъ взять на себя законоучительскія обязанности въ нѣкоторыхъ земскихъ школахъ. Теперь-же „недоразумѣнія“ выходятъ чаще между священниками и учительницами и въ своихъ основаніяхъ имѣютъ нѣсколько иныхъ обстоятельствъ: большинство учительницъ, особенно, изъ окончившихъ Епархіальное женское училище, либо гимназію, получивъ себѣ школу (земскую), такими или иными путями добиваются также и того, чтобы имъ отдано было преподаваніе Закона Божія въ ихъ школахъ... Но до послѣдняго времени такого рода недоразумѣнія какъ-то дальше личныхъ споровъ не шли и въ большинствѣ оканчивались на мѣстахъ. Нынѣ-же они обнаружались (и, кажется, имѣютъ склонность возникать въ будущемъ) въ жаркихъ и страстныхъ дебатахъ въ печати по весьма серіозному вопросу: *о недостаточномъ,*

*чтобы прямо не сказать, небрежно—недобросовѣстнымъ отноше-
ннн священниковъ къ своимъ законоучительскимъ обязанно-
стямъ въ школахъ, вслѣдствіе чего замѣчается, говорить, со-
вершенный упадокъ успѣховъ по Закону Божію.*

Намъ хотѣлось-бы по этому поводу высказать нѣсколько словъ. Мы будемъ говорить, не желая полемизировать съ кѣмъ бы то ни было, а, тѣмъ болѣе, не имѣя въ виду реабилитировать свой или чужой законоучительскій трудъ, въ виду падаюкъ на насъ со стороны лицъ педагогическаго персонала,—а лишь только потому, что вопросъ о той или другой постановкѣ преподаванія Закона Божія въ нашей начальной школѣ—вопросъ живой и интересный; разработкой его занимаются теперь не только на часто созываемыхъ съѣздахъ, комиссіяхъ, но во многихъ органахъ современной педагогической литературы, какъ нашей отечественной, такъ и заграничной (см. напр., „Народное образованіе“ апрѣль с. г. книга 4-я стр. 404.).

Остановившись на указаніи причинъ нынѣшняго упадка успѣховъ по Закону Божію, мы прежде всего должны сказать: было-бы въ высшей степени несправедливо обвинять въ этомъ однихъ только насъ—законоучителей. Причины эти многоразличны и довольно сложны, своимъ источникомъ онѣ имѣютъ обстоятельства мало, либо совсѣмъ не зависящія отъ личности законоучителя, его педагогическаго опыта и постоянного усердія.

Здѣсь прежде всего нужно указать: 1) несоразмѣрность программы Закона Божія—съ одной стороны съ временемъ назначеннымъ для ея выполненія, съ другой—съ силами учащихся. Въ своей замѣткѣ—„Къ вопросу о введеніи 4-хъ годичнаго курса въ одноклассныхъ школахъ“ (Полт. Епарх. Вѣдомости № 16 за сей годъ) я посильно выяснилъ, какъ трудно бываетъ выполнять программу Закона Божія съ учащими 3-го отдѣленія въ концѣ учебнаго года, когда мы обязаны давать дѣтямъ уроки изъ 3-хъ самыхъ трудныхъ отдѣловъ Закона Божія: священной исторіи Новаго Завѣта, катихизиса и богослуженія. Сказаннаго тамъ считаю достаточнымъ, чтобы признать, что 3-хъ учебныхъ годовъ поло-

жительно недостаточно для того, чтобы выпускные, изъ коихъ многіе едва достигли 10 много 11-ти лѣтъ. могли выходить изъ школы съ основательными, сколько нибудь прочными знаніями по З. Б.; для этого, по меньшей мѣрѣ, нужно 4 года.

2. Въ недостаточныхъ успѣхахъ по Закону Божію въ нашихъ начальныхъ школахъ далеко не послѣднюю роль играютъ учебники. При элементарно-школьномъ преподаваніи Закона Божія должны, какъ извѣстно, преслѣдоваться двѣ одинаково важныя и существенно-необходимыя цѣли: во 1-хъ религіозно-нравственное назиданіе и воспитаніе дѣтей—школьниковъ, съ другой стороны—обстоятельное изученіе ими фактическаго содержанія Закона Божія, какъ предмета школьнаго обученія. Для успѣшнаго и полнаго достиженія первой задачи весьма значительная часть учебнаго времени по предмету Закона Божія должна быть предназначена на непосредственныя занятія законоучителя съ дѣтьми; здѣсь устная, живая, умѣло выработанная рѣчь законоучителя, его теплое слово и сердечное наставленіе гораздо успѣшнѣе, чѣмъ техническое изученіе дѣтьми даннаго учебнаго матеріала, могутъ вліять на дѣтей въ нравственно-воспитательномъ отношеніи и давать ихъ школьному развитію сколько желательный, столько и необходимый въ жизни религіозный характеръ. Здѣсь, конечно, спора не должно быть, что весь успѣхъ дѣла находится въ полнѣйшей зависимости отъ личности законоучителя,—его педагогическаго такта, опытности, знанія дѣтской души и, пожалуй, того или другого усердія къ дѣлу.

Что-же касается до выполненія второй задачи, т. е. изученія дѣтьми Закона Божія, какъ предмета школьнаго обученія, то здѣсь, кромѣ помощи со стороны законоучителя такъ или иначе, должно мыслиться также самостоятельное изученіе дѣтьми (особенно, старшаго возраста) учебнаго по З. Б. матеріала по книжкѣ.

Въ земскихъ школахъ неизмѣннымъ учебникомъ Закона Божія по сіе время остается книжка протоіерея М. Соколова, выдержавшая чуть не сотню изданій. Трудно дѣтямъ учиться по ней; большинство ветхозавѣтныхъ событій изло-

жено здѣсь хотъ кратко и сжато, но языкомъ, не пригоднымъ для дѣтскаго пониманія и усвоенія: мало въ немъ простоты, ясности и конкретности. Для примѣра можно взять такіа статьи учебника какъ § 7—„Авраамъ“, § 15—„Правленіе Судей Прор. Самуилъ и Царь Саулъ“, § 19—„Пророки жившіе въ царствѣ Израильскомъ: Ілія, Елисей и Іона и другіе.

Немного лучше здѣсь—Новый Завѣтъ, по главный его отдѣлъ—о послѣднихъ дняхъ жизни Христа Спасителя, Страданіи, Смерть и Воскресеніе Его изложено недостаточно подробно (для школьникова старшаго возраста), по сему большинство законоучителей справедливо предпочитаютъ проходить этотъ важнѣйшій отдѣлъ священной исторіи по евангелію. Что же касается катихизическаго вѣроученія и отдѣла о богослуженіи, то они въ учебникѣ Соколова изложены языкомъ сухимъ, книжнымъ малодоступнымъ для дѣтей даже старшей группы и, кажется немногіе изъ о.о. законоучителей дають отсюда уроки дѣтямъ при изученіи катихизиса и богослуженія.

Немногимъ лучше „Начальнаго наставленія въ Законъ Божіемъ“ Соколова бывшій до послѣдняго времени въ употребленіи въ нашихъ церковныхъ школахъ учебникъ протоіерея Смирнова. Если нѣкоторыя статьи Ветхаго Завѣта изложены здѣсь языкомъ болѣе простымъ и пригоднымъ для дѣтей, то замѣчаются въ немъ другіе пробѣлы, довольно чувствительно обнаруживающіеся при пользованіи имъ, какъ-то 1) недостаточное выясненіе причиной связи между нѣкоторыми священно-историческими событіями (Жертвоприношеніе Исаака—Видѣніе Іаковомъ таинственной лѣстницы. Іосифъ Моисей—Выходъ Евреевъ изъ Египта). Или въ Новомъ Завѣтѣ: (Рождество Христово—Проповѣдь св. Іоанна Предтечи) 2. Въ отдѣлѣ объ ученіи Іисуса Христа удѣляется мало мѣста Притчамъ Христовымъ; дѣти любятъ слушать объясненіе притчей Христовыхъ, легко и хорошо усваиваютъ это младенческое „млеко“ вѣры,—но ихъ въ учебникѣ Смирнова только три. 3. Неудобопонятное выясненіе прообразовательнаго значенія нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ событій (Жертвоприно-

шеніе Исаака. Чудеса при странствованіи евреевъ въ землю обѣтованную,—конецъ 11 § стр. 23) и проч, 4. Отсутствие выясненія нравственно-воспитательнаго значенія священно-историческихъ событій и лицъ въ примѣненіи къ нашему жизне-поведенію. Указанные недочеты учебника Смирнова вынуждаютъ многихъ законоучителей при изученіи дѣтьми старшаго отдѣленія Ветхаго Завѣта проходить его по „избраннымъ чтеніямъ изъ ветхозавѣтныхъ книгъ“, или-же по другому учебнику, а Новый Завѣтъ—по св. евангелію.

Въ настоящее время въ большинствѣ церковныхъ школъ совсѣмъ оставленъ Смирновъ, взяли учебникъ еп. Агаѳодора. Въ этомъ учебникѣ, видимо, выдержано требованіе программы; подробнѣе и полнѣе священная исторія обоихъ завѣтовъ; языкъ его яснѣе, проще, отчетливѣе и доступнѣе для дѣтей; въ концѣ почти каждой статьи дѣлается въ нравственно-назидательной формѣ выводъ, служащій незамѣнимымъ пособіемъ, если не для самаго ученика, то для законоучителя въ дѣлѣ веденія бесѣдъ по поводу тѣхъ или другихъ священно-историческихъ событій и лицъ. Этому учебнику, казалось бы, и должно быть отдано предпочтеніе предъ 2 вышеупомянутыми; а намъ, законоучителямъ земскихъ школъ слѣдуетъ ходатайствовать предъ дирекціей народн. училищъ о замѣнѣ учебника Соколова—Агаѳодоромъ. Нужно только пожалѣть, что въ учебникѣ Агаѳодора нѣтъ объясненія катехизическаго вѣроученія, да сравнительная полнота и подробность свѣдѣній, какъ въ изложеніи ветхозавѣтныхъ, такъ и новозавѣтныхъ событій, дѣлаютъ его довольно труднымъ для пользованія школьникамъ средней группы, еще недавно научившимся читать.

Великодушно извиняемся предъ читателями, что, быть можетъ, больше чѣмъ нужно, мы вынуждены были остановиться на учебникахъ по *Закону Божию въ нашихъ одноклассныхъ школахъ...

Мы, конечно, далеки отъ утвержденія, что—при отмѣченныхъ недочетахъ и пробѣлахъ учебниковъ—Смирнова и Соколова, они должны быть признаны негодными къ употребленію, **Е**акъ равно не рѣшаемся признавать ихъ главною

причиною плохихъ успѣховъ по Закону Божію учениковъ... Такъ или иначе, въ дѣлѣ преподаванія Закона Божія мы сами (всѣ законоучители) руководимся этими учебниками, какъ равно и дѣтямъ даемъ и давали уроки по нимъ-же... Намъ хотѣлось только выяснитъ, что малоприспособленность, недостаточная приспособленность для школьниковъ учебныхъ книгъ въ связи съ другими причинами (о которыхъ мы отчасти упомянули выше) имѣютъ своимъ послѣдствіемъ то обстоятельство, что въ отвѣтахъ дѣтей по Закону Божію, какъ обычное явленіе, замѣчаются: чахлыя, вымученныя познанія по свящ. исторіи обоихъ завѣтовъ; успѣхи ихъ по катихизическому вѣроученію ограничиваются только умѣньемъ прочитать текстъ члена символа, заповѣди или прошенія молитвы Господней, но послѣдовательно, самостоятельно, въ общедоступной формѣ изложить исповѣданіе вѣры въ большинствѣ даже лучшіе ученики положительно затрудняются. Незначительны количественно и слабы качественно познанія у нихъ изъ труднаго отдѣла о богослуженіи. Если лучшіе ученики какъ нибудь, хоть по вопросамъ, могутъ разсказать что либо о праздникахъ постахъ и литургіи, то посредственные обнаруживаютъ рѣшительное незнаніе. Да и что можетъ вычитать и замѣтить деревенскій школьникъ изъ § 6—„Свѣдѣнія о всеобщемъ бѣдѣ по учебнику Соколова? (стр. 158-я изд. 82). Замѣтитъ-ли и объяснить тотъ-же ученикъ хоть одинъ пунктъ или вопросъ изъ краткаго катихизиса прот. Смирнова, если ему предложить объяснить, напр., 8-й членъ символа вѣры, или 1-ю, 2-ю заповѣдь десятословія?.. Сказать можно не обинуясь, что я лично долго училъ-бы катихизисъ по учебнику Смирнова и, пожалуй, удовлетворительно не отвѣтилъ-бы урока, если бы меня заставили по возможности держаться оригинала учебника...

3. При оцѣнкѣ успѣховъ по Закону Божію, какъ и по другимъ предметамъ, нужно брать во вниманіе также и ниже-слѣдующее обстоятельство. Наши современные учителя и учительницы усвоили неправильный взглядъ на экзамень, какъ главный критерій для сужденія объ ихъ личной работоспособности и педагогической опытности. Взглядъ этотъ, къ сожалѣнію, поддерживался и нынѣ поддерживается общест-

веннымъ мнѣніемъ. Дошло до того, что самый экзаменъ въ начальной школѣ имѣетъ свой смыслъ не для учениковъ, а для учителя, такъ что чѣмъ больше по количеству выпускъ, тѣмъ лучше школа, чѣмъ больше экзаменаторъ наставитъ въ экзаменномъ спискѣ 5-рокъ либо 4-рокъ, тѣмъ способнѣе и опытнѣе учитель. Еще раньше, пока не было министерскаго и у насъ синодальнаго разрѣшенія допускать къ экзамену и не достигшихъ 11-ти лѣтняго вѣзраста, стремленію учителей дѣлать большіе выпуски значительной преградой былъ установленный предѣльный вѣзрасть. И что бы тамъ кто ни говорилъ, тогда было лучше: меньше выходило изъ школы, зато оканчивающіе ее имѣли болѣе прочныя знанія, умственнй ихъ кругозоръ, говоря вообще, былъ шире, уже хотя по тому одному, что по вѣзрасту они были старше большинства нынѣшнихъ выпускныхъ. Теперь-же учитель или учительница, сплошь и рядомъ, намѣчаетъ изъ средней группы извѣстное (по возможности, конечно, большее) количество учениковъ для выпуска слѣдующаго года; усиленнѣе занимается съ ними въ семь году, еще больше поусердствуетъ въ слѣдующемъ, чтобы „не ударить лицомъ въ грязь“... Другіе-же, съ цѣлію увеличить количество выпускныхъ, прямо переводятъ въ старшую группу 1—2-хъ даровитыхъ, либо дома подготовленныхъ (прошлогоднихъ) „азбучниковъ“... И вотъ, распредѣливши дѣтей по группамъ, учитель прилагаетъ свой трудъ и возможное усердіе въ занятіяхъ только съ выпускными, остальные—„азбучники“ и средніе, какъ равно не предназначенные къ выпуску старшіе не пользуются его особеннымъ вниманіемъ. Священникъ по Закону Божию занимается *со вѣтми отдѣленіями съ одинаковымъ усербіемъ и достигаеъ болъе или менъе равныхъ успѣховъ отъ вѣтхъ учениковъ*; въ то время, какъ учитель или учительница (конечно, не всякій и не каждая) отдаетъ свой весь почти трудъ и время на „диктовку“ да на рѣшеніе мудреныхъ задачъ съ числами, на милліоны и биліоны, такъ какъ разсуждаетъ иной изъ нихъ: „сошли бы благополучно на экзаменѣ пресловутая диктовка и ариѣметическая письменная задача... остальное—пустяки; не важно... $\frac{3}{4}$ сойдеъ!“

И, къ сожалѣнію, дѣйствительно въ большинствѣ сходитъ.

„Позвольте, говорить предъ экзаменомъ законоучитель; не слѣдуетъ въ семь году такъ много представлять къ выпуску; тутъ попадаются ученики не достигшіе еще 10 лѣтъ, они положительно не годятся къ выпуску; 2 изъ нихъ настолько не развиты, что послѣдовательно и связно не умѣютъ, сколько разъ я не спрашивалъ ихъ, рассказать далѣе о Рождествѣ Христовѣ, оба не умѣютъ надлежаще читать по славянски; цускай походятъ еще годокъ“.

„Ну, съ этимъ я никакъ не согласенъ, возражаетъ учитель они оба у меня—лучшіе математики; безъ одной ошибки пишутъ диктовку, поймите, что мнѣ нѣтъ дѣла до Вашего Закона“!... Да, онъ правду говоритъ, только не договаривасть: ему „нѣтъ дѣла“ до Закона Божія; но одинаково также *никаго почти у него не было дѣла*, плохо поставлено было въ занятіяхъ по родному языку съ уроками объяснительнаго чтенія, такъ какъ почти все учебное время пошло на диктовку и ариметику; „плохое“ у него дѣло вышло со славянскимъ чтеніемъ; не успѣлъ онъ также, по этой же причинѣ, сообщить дѣтямъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній изъ географіи и отечественной исторіи, а экзаменъ держать у него будетъ 25—30 человекъ.

Между тѣмъ, тамъ, гдѣ уроки объяснительнаго чтенія не ведутся или ведутся не надлежаще и къ тому-же еще и славянское чтеніе поставлено плохо, трудно ожидать хорошихъ успѣховъ по Закону Божію, такъ какъ объяснительное чтеніе по Русскому языку и славянское чтеніе находятся въ близкомъ родствѣ съ Закономъ Божіимъ,—первое, способствуя общему развитію дѣтей, живости и подвижности бѣдной запасомъ словъ рѣчи, а второе,—помогая шире, основательнѣе и полнѣе усвоить свящ. исторію Новаго Завѣта (по славянскому подлиннику евангелія), а также болѣе сознательно понимать текстъ молитвъ и пѣснопѣній церковныхъ при изученіи отдѣла о богослуженіи. А между тѣмъ, спросите иного учителя о результатахъ экзамена въ его школѣ, онъ скорѣе всего будетъ повѣствовать Вамъ: „отлично!.. диктовка и ариметика задача прошли на круглыхъ 5-кахъ, остальные предметы очень хорошо, вотъ по Закону Божію экзамена-

горь поставилъ высокія отмѣтки, но отвѣчали плоховато: у священника много школь, не успѣваетъ заниматься по своему предмету“...

Авторъ опять считаетъ нужнымъ сдѣлать небольшую оговорку: отмѣченный взглядъ на экзамены, какъ равно такое одностороннее отношеніе къ своимъ учительскимъ обязанностямъ проявляютъ не всѣ учителя и учительницы, а только нѣкоторые. Кстати также слѣдуетъ упомянуть и о томъ, что мы отнюдь не забываемъ и того безспорно-вѣрнаго положенія, что въ школахъ рѣдко посѣщаемыхъ о.о. законоучителями Законъ Божій не можетъ стоять высоко.

Обобщая вышеизложенное, приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ; для достиженія болѣе прочныхъ и основательныхъ успѣховъ по Закону Божию (какъ и другимъ предметамъ) въ нашихъ начальныхъ школахъ являются необходимыми слѣдующія условія: 1) увеличеніе курса одноклассной школы введеніемъ 4-го года обученія; 2) поднятіе общаго уровня развитія школьниковъ путемъ надлежаще поставленныхъ уроковъ объяснительнаго чтенія по родному языку, письменныхъ работъ по нему, а также — самостоятельнаго чтенія, подъ руководствомъ учителя, книжекъ во внѣурочное время; 3) выборъ соотвѣтствующаго развитію дѣтей и пригоднаго для ихъ пользованія учебника. Такъ какъ на производство выпускн. экзаменовъ въ начальныхъ школахъ принято употреблять возможно непродолжительное время экзамену подвергаются у насъ ученики только старшаго отдѣленія, такъ какъ далѣе хорошіе отвѣты на экзаменѣ, какъ и грубо — неудачные зависятъ отъ случайныхъ причинъ и не могутъ, по сему служить правдивымъ показателемъ той или другой постановки учебнаго дѣла въ школѣ, — то 4) наститъ крайняя надобность замѣнить нынѣшніе выпускные экзамены въ начальныхъ школахъ, такъ называемыми, повѣрочными репетиціями для всѣхъ отдѣленій начальной школы.

Репетиціи должны производиться въ такое время учебнаго года (въ февралѣ, въ началѣ марта), когда, всѣ ученики посѣщаютъ школу; на репетиціяхъ присутствуетъ членъ мѣстной школьной инспекціи, на производство ихъ употребляется болѣе значительное время.

При выполненіи указанныхъ условій, намъ кажется, школьное дѣло во всѣхъ сторонахъ своего проявленія стояло-бы прочнѣе и основательнѣе и легче достигались-бы хорошіе успѣхи учениковъ оканчивающихъ школу не по Закону Божію только, но и по другимъ предметамъ. *)

Священникъ Меѳ. Варенискій.

Къ выясненію понятія о сектантствѣ.

Въ послѣднее время у насъ въ значительной степени пробужденъ интересъ къ изученію сектантства. О сектантствѣ много пишутъ, много говорятъ; однако, въ сужденіяхъ о немъ разногласятъ.

Одни видятъ въ сектантствѣ явленіе свѣтлое, свидѣтельствующее о прогрессивномъ движеніи нашего народа и высказываются противъ всякихъ внѣшнихъ ограничительныхъ мѣръ въ отношеніи къ сектантамъ. Другіе же, наоборотъ, признаютъ это явленіе болѣзненнымъ, а потому опаснымъ, угрожающимъ серьезными затрудненіями церкви и государству, и настаиваютъ на принятіи рѣшительныхъ энергическихъ мѣръ противъ сектантовъ.

Въ виду этого представляется благовременнымъ и умѣстнымъ высказать нѣсколько замѣчаній, служащихъ къ выясненію понятія о сектантствѣ.

Сектантство можетъ быть разсматриваемо и опредѣляемо съ двухъ сторонъ: внѣшней и внутренней. Съ внѣшней стороны, сектантство (отъ латинск. *seco* — отсѣкаю, отдѣляю) есть отдѣленіе отъ церкви, уклоненіе отъ общаго движенія церковно-религіозной жизни. Съ внутренней же стороны оно представляетъ собою отклоненіе въ развитіи религіознаго сознанія и чувства. Отдѣленіе отъ церкви всегда стоитъ въ причинной связи и указываетъ на происшедшее въ религіозномъ сознаніи и чувствѣ отдѣлившихся нѣкоторое измѣненіе, уклоненіе отъ нормы. Поэтому сектантство должно

*) Мысли и положенія сей статьи заимствованы изъ доклада моего, читаннаго въ засѣданіи Кременчугскаго отдѣленія Е. У. С. 30 іюня сего года. За недостатками времени, докладъ не могъ быть весь заслушанъ, а посему не вызвалъ обмѣна мнѣвій. Будемъ очень рады, если такой обмѣнъ по затронутому вопросу произойдетъ въ печати со стороны читателей „Епарх. Вѣд.“. Авторъ.

быть отнесено къ разряду явленій болѣзненныхъ, патологическихъ. Секты—это отклоненія отъ общаго нормальнаго движенія церковно-религіозной жизни, это болѣзненные, нездоровыя теченія, ложные пути, ложныя направленія въ развитіи религіознаго сознанія и чувства.

Но извѣстно, что болѣзненные явленія въ тѣлесномъ организмѣ человѣка не представляютъ собою чего-либо случайнаго отрывочнаго и безсвязнаго. Каждая болѣзнь имѣетъ свои причины, имѣетъ законы, по которымъ совершается ея теченіе, и на которыхъ основывается возможность ея леченія. Тоже нужно сказать и о болѣзненныхъ явленіяхъ въ области религіозной жизни. Отклоненія и нарушенія, какія бываютъ въ правильномъ теченіи этой жизни, аномаліи и разстройства, наблюдаемая въ области религіознаго сознанія и чувства, происходятъ въ силу извѣстныхъ причинъ и совершаются по извѣстнымъ законамъ. Сектантство нельзя разсматривать изолированно отъ общаго движенія и внѣ связи съ развитіемъ исторической жизни народа; происхожденіе его стоитъ въ тѣсной связи съ извѣстными условіями и направленіями исторической жизни народа какъ церковной, такъ и государственной. Сектантство нельзя также трактовать, какъ собраніе отрывочныхъ, безсвязныхъ, бессмысленныхъ ученій, столь разнообразныхъ, сколь разнообразны и многочисленны названія сектъ. При множествѣ названій, всѣ секты по содержанію своему могутъ быть сведены къ немногимъ общимъ группамъ или типамъ, въ основѣ которыхъ лежатъ общія, основныя, хотя и ложныя, идеи—плодъ неправильно продуктирующаго религіознаго сознанія и ложно настроеннаго религіознаго чувства.

Но и эти немногія группы сектъ сходятся между собой на одной общей основѣ, имѣютъ одну общую почву, которую представляетъ собою особый психо-патологическій сектантскій типъ. Существованіе этого типа легко можетъ подмѣтить всякій, кому приходилось близко знакомиться и наблюдать надъ сектантами. Общія, основныя черты этого типа сказываются и въ общихъ пріемахъ сектантскаго *изворапливаго* мышленія, и въ общемъ *повышенномъ* тонѣ сектантскаго настроенія, и въ общемъ *лицемѣрномъ* характерѣ сектантскихъ дѣйствій и поступковъ, и даже во внѣшнемъ обликѣ сектанта, преимущественно въ смиренно-лукавомъ выраженіи сектантской фізіономіи и тонкой, коварной игрѣ

пронирливыхъ, быстрыхъ, бѣгающихъ, иногда остро воспаленныхъ блуждающихъ сектантскихъ глазъ.

Этотъ психопатологическій типъ данъ въ самой природѣ челоуѣка слабой, несовершенной, грѣхомъ поврежденной, которая со времени печальнаго факта грѣхопаденія утратила цѣлостность и гармонію природы первозданнаго и стала склонна къ разнаго рода заболѣваніямъ. Онъ данъ и всегда существуетъ въ смыслѣ возможности, или же склонности, предрасположенности челоуѣческой природы къ ненормальностямъ и отклоненіямъ въ своемъ развитіи. Но подобно тому, какъ заболѣванія тѣлеснаго организма происходятъ лишь при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, такъ и психо-патологическій сектантскій типъ изъ состоянія потенціи, такъ сказать вызывается къ бытію, какъ бы оживаетъ при извѣстныхъ благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, представляя собою ту внутреннюю основу, ту общую почву, на которой нарождается и развивается сектантство.

Всестороннее изученіе сектантскаго психо-патологическаго типа, выясненіе тѣхъ условій, при которыхъ онъ развивается, выясненіе какъ общихъ основныхъ чертъ его, такъ и его разновидностей, изслѣдованіе этихъ разновидностей, описаніе и классификація ихъ, указаніе законовъ, по которымъ совершается ихъ движеніе—все это составляетъ предметъ и задачу науки сектовѣдѣнія.

Извѣстно, далѣе, также, что теченіе болѣзни бываетъ различно. Иногда болѣзнь протекаетъ тихо, спокойно, „болѣзнь идетъ, какъ говорятъ, правильно“. Иногда же теченіе ея бываетъ бурное, сопровождающееся глубокими и рѣзкими измѣненіями въ организмъ челоуѣка, которыя нерѣдко отражаются и на его психикѣ. Нѣчто аналогичное наблюдается и въ сектантствѣ. Исторія сектантства показываетъ, что спокойное теченіе жизни сектантовъ нерѣдко прерывается и нарушается взрывами грубаго ожесточеннаго фанатизма, или же дикими визгами религіозной экзальтаціи, граничащей съ нервнымъ разстройствомъ и переходящей иногда въ полное религіозное помѣшательство.

Не слѣдуетъ, конечно, смѣшивать движеній сектантскихъ съ движеніями въ собственномъ смыслѣ психопатическими. Это два явленія различнаго порядка, и смѣшеніе ихъ можетъ сопровождаться печальными практическими послѣдствіями. Благодаря недоразумѣнію, основанному на подобнаго рода

смѣшеніи, легко можетъ случиться, что пациенты, вмѣсто клиникъ, очутятся на скамьѣ подсудимыхъ, предстануть предъ трибуналомъ судей, вмѣсто консиліума врачей, и будутъ приняты мѣры карательныя тамъ, гдѣ требуются врачебныя и здраво-охранительныя.

Однако же, нерѣдко, какъ показываетъ исторія, на почвѣ сектантскихъ движеній возникаютъ и развиваются движенія въ собственномъ смыслѣ психопатическія, носящія всѣ признаки перво-психическихъ эпидемій.

Происходитъ это оттого, что сектантство возникаетъ всегда на почвѣ возбужденнаго религіознаго чувства и потому представляетъ собою среду удобную для воспріятія и развитія всякаго рода идей и движеній мистическихъ, которыя при благоприятныхъ условіяхъ легко и незамѣтно принимаютъ характеръ психопатическихъ эпидемій.

Обычно болѣзненные измѣненія въ тѣлесномъ организмѣ чловѣка вызываютъ повышение температуры и сопровождаются жаромъ. И сектантство, представляющее собою отклоненіе въ развитіи религіознаго сознанія и чувства, зарождается всегда въ атмосферѣ общаго неспокойнаго, возбужденнаго состоянія духа, вызываетъ повышенную напряженную дѣятельность религіознаго сознанія и чувства, и несетъ съ собою источникъ постоянныхъ душевныхъ тревоженій и смятеній.

Отдѣлившись отъ церкви, сектанты вырабатываютъ свои особыя религіозныя вѣрованія, у нихъ складывается свое религіозное міровоззрѣніе, формируется свой строй религіозныхъ чувствъ. Ихъ религіозныя понятія, удаляясь отъ чистыхъ возвышенныхъ истинъ христіанскаго вѣроученія, отличаются узостью, односторонностью, темнотою, спутанностью и нерѣдко приближаются къ воззрѣніямъ языческимъ. Ихъ религіозное чувство, выйдя изъ колеи спокойнаго нормальнаго теченія, отличается повышеннымъ, возбужденнымъ настроеніемъ, звучитъ сильно приподнятымъ тономъ. Здѣсь слышны бывають иногда и скорбныя нотки сожалѣнія о потерянномъ, когда то столь дорогомъ, прошломъ, и тревога въ виду неизвѣстнаго будущаго, чаще же всего преобладаетъ крикливый тонъ озлобленныхъ фанатиковъ, до ослѣпленія преданныхъ новому ученію, принятому имъ за истинное, и этимъ старающихся заглушить и заполнить образовавшійся, послѣ отдѣленія отъ церкви, въ ихъ внут-

реннемъ складѣ глубокой душевный надрывъ... Поэтому-то религіозная страстность, горячность, религіозный пылъ, фанатизмъ—составляютъ существенную доминирующую черту сектантскаго настроенія, которое особенно бываетъ на первыхъ порахъ появленія секты.

Естественно, что при отсутвіи здравыхъ религіозныхъ понятій, при общемъ возбужденномъ состояніи духа, продолжительное и односторонне сосредоточеніе религіознаго сознанія на одной какой-либо идеѣ, и такое же будированіе религіознаго чувства, можетъ повести къ нарушенію равновѣсія психической дѣятельности и, доведя нервную систему до крайней степени напряженія, разрѣшиться болѣзненнымъ кризисомъ въ формѣ психопатической эпидеміи.

Такъ близокъ переходъ отъ движеній сектантскихъ къ движеніямъ въ собственномъ смыслѣ психопатическимъ.

Вполнѣ понятно, что наиболѣе благоприятную среду для развитія движеній психопатическихъ представляютъ собою секты мистическія. Вожаки этихъ сектъ, подвергаясь медицинскому изслѣдованію, почти всегда оказываются страдающими рагапіа religiosa. Но такъ какъ сектантство возникаетъ всегда на почвѣ возбужденнаго религіознаго чувства и мистическій элементъ въ большей или меньшей степени присущъ каждой сектѣ, то психопатическія движенія наблюдаются не только въ сектантствѣ мистическомъ, но и въ раціоналистическомъ, а также и въ расколѣ. Для примѣра можно указать на факты массовыхъ самосожженій, имѣвшихъ мѣсто въ исторіи раскола, на замураваніе раскольниковъ въ Терновскихъ плавняхъ, на факты постоянного появленія въ сектахъ раціоналистическихъ толковъ мистическихъ и т. п. Не простираясь въ глубь вѣковъ, вспомнимъ, напр., своеобразное движеніе, принявшее характеръ психопатической эпидеміи въ сектѣ Палеванцевъ, которое было изслѣдовано и описано извѣстнымъ врачомъ-психіатромъ проф. Сикорскимъ. Вспомнимъ столь громкое недавнее „Павловское побоище“, когда послѣдователи анархической секты толстовцевъ, подъ влияніемъ душевно-болынаго малеванца Тодосіенко, съ кольями и друтьями, но въ то же время съ пѣніемъ и молитвою громилч православную церковь, разоряя „неправду“ и насаждая толстовскую „правду“. Вспомнимъ, наконецъ, еще и въ наши дни продолжающееся, по выраженію американскихъ газетъ, „стран-

ное умопомраченіе“ среди секты духоборовъ, переселившихся въ Канаду. Всѣ указанная движенія въ современномъ сектантствѣ носятъ несомнѣнный и рѣзко выраженный психопатическій оттѣнокъ.

Такимъ образомъ, на сектантство нельзя смотрѣть, какъ на явленіе свѣтлое, въ немъ нельзя видѣть какого-либо движенія характера прогрессивнаго. Представляя собою отклоненіе въ развитіи религіознаго сознанія и чувства оно должно быть отнесено къ разряду явленій болѣзненныхъ, патологическихъ, и, какъ таковое, вызываетъ необходимость принятія соответствующихъ мѣръ врачевства. Обсужденіе и выработка этихъ мѣръ и входитъ въ задачу настоящаго IV всероссійскаго миссіонерскаго съѣзда. ¹⁾

Посѣщеніе Преосвященнѣйшимъ Іоанномъ с. Чутовки Лубенскаго уѣзда.

Въ ночь съ 20 на 21 іюля текущаго года на долю маленькаго села Чутовки, Лубенскаго уѣзда, выпало радостное событіе встрѣчи своего Архипастыря. Изъ хутора Ивановщины, Золотоношскаго уѣзда, гдѣ Преосвященный Іоаннъ совершилъ чинъ основанія церкви, въ 10 ч. вечера 20 іюля онъ пріѣхалъ въ село Чутовку и прибылъ въ храмъ. Владыку сопровождалъ генераль Борисъ Владиміровичъ Мусьманъ, исправникъ города Золотоноши Д. Д. Касалатовъ, благочинный 8 округа Золотоношскаго уѣзда, секретарь Владыки А. Г. Житецкій, матушка Нонна, игуменія Золотоношскаго женскаго монастыря, урядники и казаки. За воротами церковнаго погоста встрѣтилъ Владыку благочинный 5 округа Лубенскаго уѣзда, священникъ о. Гавріилъ Коваленко; въ дверяхъ храма встрѣтилъ его приходскій священникъ о. Василій Сагарда и нѣкоторые священники, діаконы и псаломщики съ народомъ. Послѣ обычной встрѣчи Владыки мѣстнымъ духовенствомъ и совершенія положеннаго краткаго молебнаго пѣнія, Архипастырь къ собравшимся въ храмъ обратился съ привѣтственною рѣчью приблизительно такого содержанія.

¹⁾ Докладъ, представленный въ IV всероссійскій миссіонерскій съѣздъ препод. Полтавск. сем. В. Н. Терлецкимъ.

„Пріятно видѣть васъ, въ такомъ большомъ числѣ собравшихся въ храмъ, въ поздній часъ времени для участія со мною въ молитвѣ. Прійдя сюда помолитесь, вы доказываете на дѣлѣ, что любите посѣщать храмъ, подчиняетесь начальству и вѣруете въ Господа Иисуса Христа. Безъ вѣры въ Бога и Его благодати спастись человѣку своею силою нельзя. Еще въ раю прародители наши гордостію своею навлекли на себя грѣхъ и смерть, потому самъ человѣкъ, какъ слабое существо, своими умственными и физическими силами и способностями не придетъ снова въ первобытное блаженство; для спасенія его необходима помощь съ неба. Иисусъ Христосъ сошелъ съ неба, принявъ плоть человѣческую, крестною смертію искупилъ людей отъ грѣха и преподаль имъ таинства для спасенія разслабленной природы человѣческой. Появились теперь люди, которые говорятъ съ гордостію: „Бога нѣтъ, ходить въ храмъ не слѣдуетъ, таинства не нужны, крестъ и иконы обыкновенныя вещи, человѣкъ устрояетъ жизнь своимъ умомъ и силой“. Не вѣрьте словамъ гордыхъ безбожниковъ, не берите съ нихъ пагубнаго примѣра. Кто не ходитъ въ храмъ на молитву, уклоняется отъ св. таинствъ, тотъ грѣхами губитъ душу и тѣло, перестаетъ дѣлать добро, становится худымъ отцемъ, гордымъ начальникомъ, вѣроломнымъ гражданиномъ. — Ходите, прихожане, въ храмъ; молитесь въ немъ о своихъ грѣхахъ и просите на свои дѣла помощи, принимайте таинства, — и сердце ваше согрѣетъ благодатью Божію и всегда пребудетъ надъ вами“.

Вслѣдъ за рѣчью Владыка, пригласивъ собравшихся въ храмъ явиться въ 8 часовъ утра на литургію, далъ благословеніе приходскому священнику служить будничную вечерню и утреню. Во время этихъ службъ Преосвященнѣйшій Владыка стоялъ по правую сторону царскихъ вратъ въ алтарѣ. Ко времени служенія прибыли въ храмъ ключарь кафедральнаго Полтавскаго собора, священникъ о. Владиміръ Щетинскій, протодіаконъ и 2 иподьякона. Утреню пѣли діаконы, псаломщики и нѣкоторые изъ прихожанъ. Въ половинѣ 12 ч. ночи, послѣ утрени, Владыка поѣхалъ на ночлегъ въ „академическую дачу“, гдѣ завѣдующій дачей, священникъ о. Николай Базилевскій, съ рѣдкимъ усердіемъ приготовилъ для прибывшихъ гостей помѣщеніе.

Утро 21 іюля было ненастное; шелъ мелкій дождикъ и

небо заволокло черными тучами; время было будничное, рабочее; на полях происходила тяжелая уборка ярового хлѣба. Однако на Архіерейское служеніе явились нѣкоторые прихожане Чутовки, а также изъ другихъ сель, особенно женщины съ грудными младенцами, и наполнили небольшой храмъ. Здѣсь же присутствовали — генераль съ семействомъ и игуменія Нонна съ сестрами. Въ началѣ 9 ч. утра пріѣхалъ Владыка и прослѣдовалъ въ храмъ въ сопровожденіи духовенства и народа, на клиросѣ стройно пропѣли „Достойно есть“... Среди храма происходило архіерейское облаченіе къ совершенію литургіи Сослужащими Владыкѣ были священники: о. Владиміръ Щетинскій, благочинный о. Гавріиль Коваленко, Л. Клепачевскій, Е. Верховскій, Ѳ. Пашина и В. Сагарда, протодіаконъ, два діакона и столько же подьяконовъ. Часы прочитаны и началась божественная литургія соборомъ во главѣ съ Преосвященнѣйшимъ Епископомъ Іоанномъ. Пѣснопѣнія на литургіи стройно пѣлъ сельскій мѣстный хоръ подъ управленіемъ священника о. Н. Базилевскаго. О. Николай весною сего года перешелъ изъ Чутовки и оставилъ послѣ себя правильно организованный хоръ, могущій спорить съ уѣзднымъ соборнымъ хоромъ. Въ концѣ литургіи, послѣ „Буди имя Господне благословенно“, маститый Владыка съ жезломъ въ рукахъ произнесъ живое слово приблизительно такого содержанія:

„Сегодняшній день св. Церковь празднуетъ память ветхозавѣтнаго пророка Іезекіиля. Сей пророкъ жилъ за 600 лѣтъ до Р. Х. въ плѣну Халейскомъ. Іезекіиль просилъ Бога открыть ему, какъ умершіе люди оживутъ? Молитва пророка была услышана и онъ имѣлъ слѣдующее видѣніе. Видитъ онъ поле, усѣянное сухими костями. И спрашиваетъ Богъ пророка: „оживутъ ли эти кости“? Отвѣтилъ пророкъ Ему: „не знаю, Ты Самъ знаешь“. Тогда услышалъ пророкъ, повѣялъ вѣтеръ на сухія кости; онѣ отъ дуновенія вѣтерка стали сближаться, и соединились кость съ костью, каждая къ своему суставу. Потомъ кости покрылись жилами, тѣломъ и кожею; дунулъ на нихъ духъ живой, и тѣла ожили и собралось множество народа“ (Іез. XXXVII, 1—11).

„Подобно видѣнію пророка Іезекіиля совершится и всеобщее воскресеніе мертвыхъ. Какъ же совершится воскресеніе мертвыхъ, зачѣмъ люди воскреснутъ и какая тогда будетъ наша земля? Въ первый разъ приходилъ Іисусъ Христосъ

на землю въ бѣдности и униженіи: родился въ пещерѣ, жилъ какъ простой человѣкъ; былъ распятъ за грѣхи рода человѣческаго и въ третій день воскресъ; возносясь на небо, преподаль людямъ благодать въ св. таинствахъ, а также и разныя правила благочестія. Во второй разъ придетъ Сынъ Божій на землю во славу со всѣми ангелами. Затрубятъ ангелы на 4 концахъ земли и по звуку трубъ косточки умершихъ соединятся; даже разбросанныя косточки по разнымъ мѣстамъ, кого на примѣръ звѣрь съѣлъ, кто въ водѣ утонулъ, и таковыя сблизатся и войдутъ въ свои суставы. Потомъ кости покроются жилами, тѣломъ и воскреснутъ нетлѣнными. А какими тогда будутъ тѣла живыхъ людей? Тѣла ихъ измѣнятся и сдѣлаются нетлѣнными. Теперь люди ѣдятъ, пьютъ, женятся, трудятся, а нетлѣнныя тѣла не будутъ нуждаться въ пищѣ, питіи, одеждѣ и ни въ чемъ. При этомъ земля, на которой живемъ, измѣнится. Какъ при Ноѣ потопомъ земля обновилась, такъ и во второмъ пришествіи Иисуса Христа на землю; она обновится и станеть новой другой землей, также измѣнится солнце, луна и звѣзды. Когда люди воскреснутъ въ нетлѣнномъ тѣлѣ и весь міръ обновится, тогда Сынъ Божій сойдетъ на очищенную огнемъ землю, а на встрѣчу Ему праведники поднимутся на облакахъ и встрѣтятъ своего Господа Иисуса Христа. Сядетъ тогда праведный Судія на престолѣ, окруженномъ ангелами и всѣми святыми, и начнетъ не лицепріятный судъ. Будетъ Господь судить людей за ихъ дѣла, мысли и помышленія; предъ Нимъ раскроется книга, въ которой записаны всѣ наши поступки со дня рожденія и до смерти. И спроситъ Богъ людей, пользовались ли они на землѣ благодатию Святаго Духа, пребывающею въ семи таинствахъ, во благо или зло употребляли власть, богатство и разныя дары природы. Кто на землѣ велъ благочестивую жизнь, помогалъ во всемъ меньшему брату, исполнялъ заповѣди Божіи, ходилъ въ храмъ, молился, исповѣдывался и приобщался Св. Таинъ, тѣхъ поставитъ Иисусъ Христосъ по правую сторону престола и скажетъ: „Придите благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра“. И пойдутъ праведники въ обители небесныя, гдѣ будутъ наслаждаться, по слову апостола Павла, духовными благами и смотрѣть въ лице Господа Иисуса Христа. Людей же невѣрующихъ въ Бога, не поспѣвавшихъ храма и умершихъ безъ покаянія поставитъ

Судія небесный по лѣвую сторону престола и, предавъ ихъ проклятію, осудить на вѣчное мученіе. Такова будетъ нѣкогда участь праведниковъ и грѣшниковъ“.

„Прихожане храма и всѣ стоящіе въ немъ! Живите въ страхѣ Божиємъ, живите по Его заповѣдямъ, вѣруйте въ Бога и удостоитесь нѣкогда блаженной жизни на небѣ“.

Послѣ литургіи произнесъ протодіаконъ многолѣтіе Государю и всему Царствующему Дому, Святѣйшему Синоду и Епископу Іоанну, прихожанамъ храма и молящимся въ немъ.

Архіерейское торжественное служеніе литургіи въ бѣдномъ и тѣсномъ храмѣ надолго останется въ памяти жителей Чутовки, а также и всѣхъ іереевъ и діаконѡвъ, съѣхавшихся сюда, по приглашенію о. благочиннаго, изъ ближайшихъ селъ, но рѣдко видавшихъ и служившихъ соборне съ Владыкой божественную литургію. Да, воистину служеніе это было для всѣхъ рѣдкимъ торжествомъ; никогда оно не изгладится въ душѣ и навсегда останется радостнымъ воспоминаніемъ въ тяжелые дни деревенской жизни. Даже сама природа гармонировала съ настроеніемъ молящихся: еще при началѣ литургіи пасмурная погода прояснилась и солнце заиграло разными цвѣтами на церковной утвари и облаченіяхъ.

Владыка, окончивъ литургію въ половинѣ 11 ч. утра, по просьбѣ г-на Василя, пѣшкомъ отправился въ квартиру его; на крылечкѣ желаннаго гостя встрѣтила хлѣбомъ и солью жена и дѣти священника. Въ домѣ Владыка изволилъ выпить стаканъ чаю, похвалилъ пѣвчій хоръ и гѡлосъ настоятеля-священника. Затѣмъ по просьбѣ владѣльца генерала, на его лошадахъ и открытыхъ экипажахъ, Владыка и бывшіе съ нимъ пріѣхали въ его богатый домъ. Здѣсь, на балконѣ, предъ роскошнымъ садомъ, гостепріимный генераль, супруга его, Надежда Львовна, сыновья и дочери ихъ, за однимъ столомъ съ Владыкой и сопровождавшими Его раздѣлили постную трапезу. За обѣдомъ генераль произнесъ тостъ за здравіе Преосвященнѣйшаго Епископа Іоанна и, между прочимъ, извинился, что пріемъ съ его стороны не соотвѣтствовалъ высокому положенію рѣдкаго гостя, а также благодарилъ Его за служеніе въ храмѣ и посѣщеніе дома. Въ отвѣтъ на слова генерала Преосвященнѣйшій Владыка, пожелавъ ему и его семейству здравія и благъ

земныхъ, благодарилъ хозяевъ за гостепрѣимство. Гдѣ-то въ домѣ часы пробили полдня и Владыка началъ выходить изъ дома; слѣдуя по терасѣ, онъ благословилъ подходящихъ къ Нему, раздавалъ на память своего посѣщенія Чутовки лиготирированные образки дѣтямъ генерала, а также пѣвчимъ и, простившись со всѣми, выѣхалъ изъ дома на станцію Лубны.

Священникъ *Евѣимій Верховскій*.

Библиографическая замѣтка.

„Очеркъ исторіи города Чернигова“. Юбилейное изданіе Черниговской Городской Управы. Черниговъ. 1908 г. 71 стр. „Былое Черниговской земли“. Очеркъ А. Ярыгина. Черниговъ. 1898 г. 137 стр.

Двѣ названныхъ книжки были предложены вниманію гостей, прѣѣхавшихъ въ Черниговъ на юбилей тысячелѣтія города (праздновавшійся 6 августа 1908 г.) и интересовавшихся прошлой жизнью тысячелѣтняго старика, мужественно перенесшаго всѣ невзгоды нашей тысячелѣтней исторіи. Книжки, правда, не отличаются строгой научностью изложенія, но сообщаютъ намъ достовѣрныя свѣдѣнія о былой жизни Чернигова.

Впервые въ лѣтописи Черниговъ упоминается одновременно съ нашимъ Переяславомъ—подъ 907 годомъ, въ разсказѣ о знаменитомъ походѣ Олега на Царьградъ, закончившемся выгоднымъ договоромъ съ греками, по которому послѣдніе обязывались давать „уклады“, между прочимъ, городамъ Чернигову и Переяславу и принимать у себя въ столицѣ Черниговскихъ и Переяславскихъ (вмѣстѣ съ другими) гражданъ, являвшихся сюда по дѣламъ торговымъ. Такимъ образомъ въ 907 году, тысячу лѣтъ тому назадъ, Черниговъ мы застаемъ городомъ крупнымъ, торговымъ и имѣвшимъ при томъ у себя (какъ тоже видно изъ лѣтописи) особаго правителя, стоявшаго въ подчиненномъ положеніи къ Олегу. Слѣдовательно, начало исторической жизни Чернигова (какъ и нашего Переяслава) приходится отодвинуть по крайней мѣрѣ на нѣсколько десятилѣтій дальше 907 г., т. е. къ вѣку 9-му, а, можетъ быть, и еще дальше. Значеніе круп-

наго центра сохранялъ затѣмъ Черниговъ долгое время. Этому содѣйствовало то, что онъ игралъ роль форпоста— опорнаго пункта колонизаціи Славянъ-Сѣверянъ. Въ XI вѣкѣ здѣсь упрочиваетъ свою столицу сперва братъ Ярослава Мудраго—храбрый Мстиславъ Тмутараканскій, а затѣмъ—воинственный сынъ Ярославовъ Святославъ. Одно время княжилъ здѣсь и знаменитый Владиміръ Мономахъ, но главнымъ образомъ утвердилось тутъ потомство Святослава Ярославича, прозванное по имени его сына—Ольговичами.

Еще съ 992 г. здѣсь стали святительствовать епископы, давшіе городу значеніе церковно-просвѣтительнаго центра. Отличительной особенностью жизни Чернигова въ удѣльно-вѣчевой періодъ его исторіи является смиренность и скромность его жителей, которые жили въ мирѣ со своими князьями (явленіе столь рѣдкое въ то время) и не одобряли лишь ихъ политическаго „высокоумія“—стремленія захватить великокняжескій столъ и постоянныхъ походовъ.

Пришло грозное татарское нашествіе, Черниговъ былъ разрушенъ и надолго палъ. Съ одной стороны онъ былъ плохо защищенъ отъ набѣговъ беспокойныхъ сосѣдей, съ другой стороны—утратилъ свое прежнее значеніе въ славянской колонизаціи. Въ третьей четверти XIV в. Черниговъ достается литовцамъ и только въ 1654 г. окончательно входитъ въ составъ русскаго государства. Лазарь Барновичъ († 1693 г.), св. Θεодосій Углицкій († 1696 г.), Іоаннъ Максимовичъ, учредившій въ Черниговѣ въ 1700 г. коллегіумъ, —эти архипастыри подняли церковно-просвѣтительное значеніе города до высокой степени, но въ другихъ отношеніяхъ значеніе его въ XVIII в. было ничтожно,—это былъ маленькій городокъ, имѣвшій менѣе 4000 жителей, совершенно незамѣтный въ ряду другихъ въ торгово-промышленномъ отношеніи. Только съ конца 18 вѣка значеніе его повышается: онъ дѣлается губернскимъ центромъ. Съ этого времени городъ понемногу начинаетъ расти. Но и теперь—это едва-ли не самый захолустный изъ нашихъ губернскихъ городовъ, имѣющій всего лишь около 28 тысячъ жителей и не играющій замѣтной роли въ торгово-промышленномъ отношеніи. Въ настоящее время онъ имѣетъ значеніе губернскаго и епархіальнаго центра, а съ 1896 г. занялъ выдающееся положеніе въ религіозной жизни края вслѣдствіе открытія мощей святителя Θεодосія, съ тѣхъ поръ привле-

кающихъ къ себѣ на поклоненіе тысячи богомольцевъ. Замѣчательнѣе Черниговъ особенно въ историко-археологическомъ отношеніи, какъ по своимъ стариннымъ храмамъ (изъ коихъ Кафедральный Спасо-Преображенскій соборъ XI в.), такъ и по обилію кургановъ, много говорящихъ о былой жизни города.

Вл. П.

Бывшій преподаватель Полтавскаго Реального училища Трофимъ Петровичъ Петрушевскій.

(НЕКРОЛОГЪ).

22 іюня сего года, въ воскресенье въ 5 часовъ по полудни безвременно скончался бывшій преподаватель Полтавскаго Реального училища, а въ послѣднее время—С.-Петербургскаго Коммерческаго училища Шрекннка, нынѣ „второго Товарищества преподавателей“, *Трофимъ Петровичъ Петрушевскій*. Покойный въ этотъ день отправился по Финляндской желѣзной дорогѣ на ст. Парголово, чтобы оттуда пройти въ дер. Кабаловку къ своимъ хорошимъ знакомымъ. По роковому стеченію обстоятельствъ, онъ, какъ видно, сѣлъ не въ тотъ поѣздъ, который, выходя изъ Петербурга въ 4 ч. 40 м. по полудни, останавливается по пути и въ Парголово, а въ другой, выходящій изъ Петербурга на 10 минутъ раньше (въ 4 ч. 30 м.), который идетъ прямо въ Бѣлоостровъ и въ Парголово, не останавливается. Хотя свидѣтелей трагической кончины его не оказалось, однако полагаютъ, что покойный, проѣхавъ до Парголово и видя, что поѣздъ здѣсь не останавливается, рѣшилъ соскочить на ходу поѣзда съ площадки вагона. Но эта попытка оказалась для него роковой: онъ попалъ подъ вагонъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ прохода поѣзда, шедшаго мимо Парголово, на мѣстѣ паденія покойнаго, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ перрона Парголовской станціи найдено было его окровавленное и изувѣченное тѣло.

Для многихъ, хорошо знавшихъ покойнаго „Трофима Петровича“ по дѣламъ службы и въ частной жизни въ Кіевской губерніи, въ Полтавѣ и Петербургѣ, смерть его является

тяжелой и во многомъ не вознаградимой потерей, какъ серьезнаго и самоотверженнаго труженика науки и школы и просто, какъ человекъ. Покойный—сынъ священника с. Керданъ Таращанскаго уѣзда Кіевской губерніи. Родился въ 1856 г. учился въ Богуславскомъ духовномъ училищѣ и Кіевской духовной семинаріи, до философскаго класса включительно, затѣмъ въ Кіевскомъ университетѣ Св. Владиміра на физико-математическомъ факультетѣ, гдѣ удостоился серебряной медали за сочиненіе о тканяхъ растений. Окончилъ университетскій курсъ со степенью кандидата. Дѣтство и юность онъ проводилъ большею частію среди деревенскаго приволья и подъ чарующимъ вліяніемъ красотъ природы роднаго села Керданъ и его окрестностей, а равно и мѣстечка Богуслава, гдѣ было тогда духовное училище. Это имѣло важное значеніе для образованія душевной настроенности и направленія научной любознательности богато надѣленнаго природными способностями Трофима Петровича. Съ юныхъ лѣтъ онъ отличался жизнерадостностью, свѣтлымъ взглядомъ на жизнь, веселымъ, общительнымъ характеромъ и любовью къ природѣ. Еще въ школѣ онъ съ большимъ увлеченіемъ зачитывался книгами Брема, журналами „Всемирный Путешественникъ“, популярными рассказами изъ естественной исторіи и другихъ естественныхъ наукъ, въ родѣ „Исторіи кусочка хлѣба“ и т. п. Быть сельскаго священника старыхъ временъ—простой, скромный и матеріально-скудный до бѣдности, съ строгими и чистыми нравами, съ одушевленной церковностью, съ порывами къ знанію и трудолюбіемъ отразился такъ же весьма сильно на характерѣ Трофима Петровича. Изъ роднаго, священническаго дома и патриархальной сельской среды 50—60 г.г. прошлаго столѣтія, въ то время еще мало тронутой современными образованіемъ. дающимъ лишь, кое-какія знанія, но никакого воспитанія, онъ вынесъ неліцемерную любовь къ народу, стремленіе послужить общему благу своими силами, честное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, вѣру въ законъ Высшей правды и Божественный Промыслъ, управляющій міромъ. Очень рано пришлось ему испытать и горечь нужды. Уже въ школѣ, особенно въ университетѣ онъ долженъ былъ дополнять небольшія средства, которыя могъ давать ему

отецъ, своими заработками отъ репетицій, поглощавшихъ много времени нужнаго для отдыха въ теченіе учебнаго года и лѣтнихъ каникулъ. Учился онъ всегда отлично и проходилъ низшую, среднюю и высшую школы съ выдающимися успѣхами. Въ 1880 году Трофимъ Петровичъ, наконецъ, съ свѣтлыми надеждами, съ пыломъ молодого энтузіаста, готоваго отдать себя всецѣло служенію ближнимъ, съ полнымъ довѣріемъ къ людямъ вступилъ на поприще педагогической дѣятельности, будучи назначенъ преподавателемъ Полтавскаго Александровскаго Реальнаго училища по предметамъ естественной исторіи, физики и химіи. На этомъ мѣстѣ въ Полтавѣ онъ прослужилъ 15 лѣтъ. Въ теченіе означеннаго времени онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ жизни своего училища. Какъ преподаватель, Трофимъ Петровичъ съ увлеченіемъ занимался своими предметами и между прочимъ много заботился объ устройствѣ въ училищѣ физическаго кабинета. Кромѣ того исполнялъ и другія обязанности по училищу: былъ класснымъ наставникомъ, членомъ Хозяйственнаго Комитета (съ 1886 г.), секретаремъ Педагогическаго Совѣта (съ 1889 г.), и. д. должность Директора училища (въ 1895 г.) и пр. Относясь внимательно къ учебно-воспитательной части училища, онъ, по предложенію высшаго начальства, входилъ объ этомъ съ особыми докладами въ учебный округъ, при чемъ старался обратить серьезное вниманіе и на необходимость поднятія религіозно-нравственнаго элемента въ школѣ. Какъ иллюстрацію къ этому послѣднему обстоятельству приведемъ слѣдующій фактъ. Въ октябрѣ 1887 г. въ Полтавскомъ Реальномъ училищѣ происходилъ, въ присутствіи Преосв. Иларіона, Епископа Прилуцкаго, тогда еще Викарія Полтавской епархіи, и г-на Начальника губерніи, годичный актъ, на которомъ произнесены были г. Директоромъ училища В. Н. Водолагинымъ и покойнымъ Трофимомъ Петровичемъ прекрасныя рѣчи, посвященныя вмѣстѣ раскрытію мыслей о гуманитарныхъ задачахъ школы вообще — реальной и классической и въ частности—объ общеобразовательномъ воспитательномъ значеніи естествознанія. Первую мысль г. Директоръ раскрывалъ изъ идеи человѣка, какъ существа разумнаго, властелина твореній и образа Бо-

жія ¹⁾. Вторую мысль весьма обстоятельно раскрылъ покойный Трофимъ Петровичъ въ рѣчи на тему: „Естествознанія, какъ общеобразовательное и воспитательное средство“. Здѣсь между прочимъ онъ, высказавъ симпатіи къ чистому и болѣе широкому, а не только утилитарному, узко практическому интересу къ естественнымъ наукамъ, обращалъ вниманіе на одну, весьма цѣнную, особенно въ отношеніи воспитательности, сторону естествознанія, а именно воздѣйствующую способность этого круга наукъ на *укрѣпленіе въ людяхъ основныхъ началъ религіи, насажденныхъ въ насъ Божественнымъ откровеніемъ*. Эта сторона естествознанія раскрыта была ораторомъ не общими фразами, а дѣльными конкретными мыслями и выдающимися примѣрами, доказывавшими и глубокое знаніе авторомъ природы, и способность его къ плодотворному научному синтезу и вообще богатство его научной эрудиціи. Обѣ рѣчи отличались неподдѣльной искренностью, сердечной теплотой и яснымъ взглядомъ на задачи школы и значеніе науки. Отвѣчая современнымъ потребностямъ общества, онъ, какъ видно, произвели прекрасное впечатлѣніе на публику, а Преосвященный Иларіонъ пожелалъ даже отпечатать ихъ для разсылки разнымъ лицамъ ²⁾.

Полтаву покойный Трофимъ Петровичъ очень любилъ и, занимаясь много въ Реальномъ училищѣ, находилъ однако время для участія въ устраиваемыхъ тамъ народныхъ чтенійхъ и музыкальныхъ вечерахъ. Въ письмахъ къ роднымъ онъ постоянно писалъ о множествѣ дѣлъ, не позволявшихъ ему такъ часто навѣщать свою родину какъ бы хотѣлось

1) Г. Директоръ указывалъ цѣль школы въ образованіи гуманной личности, а разъясненіе этой мысли построилъ на словахъ знаменитаго педагога-славянина Амоса Коменскаго: „назначеніе человѣка быть разумнымъ твореніемъ, властелиномъ твореній, образомъ Божиимъ“.

2) Въ письмѣ къ брату, преподавателю Кіевской дух. семинаріи Павлу Петровичу отъ 15 декабря 1887 г. покойный Трофимъ Петровичъ между прочимъ писалъ: „Посылаю тебѣ брошюрку, въ которой ты найдешь читанную мной 11 октября сего года на годичномъ нашемъ актѣ рѣчь. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу, при случаѣ, передать ее для прочтенія нашему друтому отцу, свѣтлымъ взглядамъ котораго на природу я чрезвычайно много обязанъ въ своемъ кой-какомъ развитіи. Пиша послѣднюю часть, именно—„о религіозно-воспитательномъ вліяніи естествознанія“, я часто вспоминалъ Васъ обоихъ, которымъ и посвящаю этотъ ничтожный, но

Перемѣны въ школьномъ дѣлѣ, начавшіяся съ половины 90-хъ годовъ, приведшія потомъ къ дезорганизаціи школы, были причиною недовольства покойнаго своей службой. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ рѣшился разстаться съ педагогическимъ поприщемъ, на которомъ онъ оставилъ довольно значительное количество своей энергіи и силъ. 1 сентября 1895 г. онъ вышелъ въ отставку, по прошенію. Состоя уже въ званіи статскаго совѣтника, онъ рѣшился получить техническое образованіе и вскорѣ дѣйствительно поступилъ въ студенты С.-Петербургскаго Института Императора Николая I на механическое отдѣленіе. Силъ и энергіи у покойнаго было тогда еще много. Одна лишь бѣда постоянно его преслѣдовала до конца жизни, это-недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Вступая на новый жизненный путь, покойный наличныхъ средствъ не имѣлъ. Онъ надѣялся добывать ихъ разными дополнительными случайными работами. Первоначально въ Петербургѣ, поступивъ въ студенты Института, онъ состоялъ секретаремъ Общества Путиловскихъ заводовъ. По закрытіи же этого Общества, онъ принужденъ былъ поддерживать свое существованіе частными работами, чертежными и литературными; служилъ въ одно время и въ Обществѣ Брянскихъ заводовъ. Первые четыре курса Института онъ еще успѣшно боролся съ нуждою. Но далѣе, по переходѣ на 5-й курсъ, наступили для него особенно трудныя времена. Частныя работы были случайнаго характера и не могли доставить ему средствъ даже для самой скромной студенческой жизни. И вотъ, ему пришлось настойчиво искать какой ни-

---

проникнутый неподдѣльной искренностью, своей трудъ. — Надобно тебѣ сказать, что этой рѣчью своей я полюбілся нашему достойнѣйшему Архипастырю, Преосвященному Иларіону, который отпечаталъ на свой собственный счетъ 50 экз., нѣсколько изъ нихъ Преосвященный прислалъ мнѣ и Г. Директору, и нѣсколько предназначилъ для отсылки Г. Попечителю нашего округа, Губернатору и даже, какъ слышно было, Оберъ Прокурору св. Синода, Побѣдоносцеву. Меня мало интересуютъ могущія, пожалуй, изъ сего произойти, въ благопріятномъ случаѣ, кой-какія послѣдствія, сравнительно съ той почти отеческой лаской, которой постоянно награждаетъ меня добрѣйшій Преосвященный...—Ты съ удовольствіемъ прочитаешь и рѣчь нашего превосходиѣйшаго Василя Николаевича, Директора. Онъ человѣкъ искренно религіозный и очень добросовѣстный, что скво-зить и въ его рѣчи“...

будь болѣе постоянной службы — частной или государственной, которая дала бы ему въ то же время возможность довести до конца свое техническое образованіе. Въ началѣ 1905 года онъ получилъ штатное мѣсто преподавателя частнаго Коммерческаго училища Шрекника въ С.-Петербургѣ по кафедрѣ физики и математики, а затѣмъ занялъ мѣсто преподавателя физики и въ женской гимназіи Стеблинъ-Каменской. Хотя въ этотъ разъ онъ принялся за педагогію по нуждѣ, съ расчетомъ найти себѣ временное подспорье на окончаніе Институтскаго курса, однако, будучи человѣкомъ въ высшей степени добросовѣстнымъ, онъ не желалъ относиться къ своимъ педагогическимъ обязанностямъ „какъ нибудь“. Преподавалъ онъ и въ этотъ разъ въ обоихъ заведеніяхъ съ большимъ усердіемъ, и плодомъ трудовъ его въ томъ и другомъ заведеніяхъ были его записки и пособія по ариметикѣ и физикѣ, изданныя имъ въ гектографированномъ видѣ. Ихъ онъ надѣялся вскорѣ переработать и напечатать для представленія въ Ученый Комитетъ Министерства народнаго просвѣщенія. Но, съ другой стороны, эти труды весьма вредили главному его дѣлу — окончательной сдачѣ экзамена въ Институтѣ. Времени и силъ служба въ обоихъ заведеніяхъ отнимала у него много, матеріальныхъ средствъ давала мало, а покоя не давала никакого, особенно въ слѣдствіе нѣкоторыхъ антипедагогическихъ условій и порядковъ жизни того и другого заведеній. И вотъ, къ концу учебнаго 1907/8 года Трофимъ Петровичъ рѣшился окончательно порвать съ педагогической службой, оставивъ и Коммерческое училище („2-го Тов-ва преподавателей“) и женскую гимназію Стеблинъ-Каменской. Съ облегченнымъ сердцемъ писалъ онъ объ этомъ въ самомъ началѣ каникулъ къ своему брату, рассчитывая въ началѣ слѣдующаго года сдать послѣднія практическія работы и экзамены ¹⁾. Нужно сказать, что до сего времени

¹⁾ Мы несчитаемъ возможнымъ пока предавать гласности послѣднее письмо Трофима Петровича, прекрасно рисующее его положеніе въ послѣдніе два года; приведемъ здѣсь лишь одно мѣсто. Сказавъ, что въ оставляемомъ имъ училищѣ „цѣнили его добросовѣстную работу и, при уходѣ, дали превосходную аттестацію, дали искренно безъ просьбы съ его стороны“, онъ продолжаетъ: „Но Боже Милосердный, чего мнѣ стоила эта работа! Ты не повѣришь, что въ послѣ — учебное время я *ежедневно* былъ занятъ 6—7

онъ, не смотря на отвлеченіе преподаваніемъ, все же успѣлъ кое что сдѣлать для 5 курса Института: выдержалъ экзаменъ почти по всѣмъ предметамъ курса и подготовилъ нѣкоторые чертежи. Оставалось, слѣдовательно, сдѣлать еще меньше, чѣмъ было сдѣлано. Трагическая смерть вырвала въ его лицѣ одного изъ серьезныхъ педагоговъ и дѣльнаго спеціалиста — технолога. При своей замѣчательной энергій и богатыхъ способностяхъ, онъ уже и теперь заявилъ себя нѣкоторыми важными проэктми, поступавшими на разсмотрѣніе въ высшія учрежденія подлежащихъ вѣдомствъ, напр. идеей усовершенствованной морской мины, основанной на магнитномъ притяженіи мины обшивкой военного судна (бывшей на разсмотрѣніи въ спеціальной комиссіи нашего морского министерства), проэктъ тупенія нефтяныхъ пожаровъ, оправданнымъ опытомъ, — таксомѣромъ для извозчиковъ, основаннымъ на принципѣ опредѣленія платы по разстоянію, безразлично въ колесномъ или савномъ экипажѣ, и др. Онъ поражалъ также многосторонностію своихъ познаній: владѣлъ знаніемъ трехъ новыхъ языковъ, артистически игралъ на скрипкѣ, великолѣпно фотографировалъ и рисовалъ. Красн. стр. Но едва ли не болѣе покойный „Трофимъ Петровичъ“ располагалъ къ себѣ своимъ въ высшей степени симпатичнымъ характеромъ. Кто въ самомъ дѣлѣ не испыталъ на себѣ обаянія его свѣтлой, благородной, сердечно участливой, высокочестной и правдивой личности? Кто забудетъ эту открытую душу, эту живую, полную убѣжденія рѣчь, часто соединявшуюся съ добродушнымъ юморомъ, эту простоту обращенія съ другими, эту скромность въ отношеніи къ себѣ, эти манеры, лишенные всякой притязательности, такъ или иначе обидной для другихъ, это милое, ласковое, привѣтливое выраженіе лица, эту услужливость другимъ и отзывчивость на всякое доброе дѣло? Много бы также пришлось говорить о его высокихъ общественныхъ идеалахъ, о его горячей любви къ нашей славной родинѣ, къ выработанному вѣками укладу и основ-

часовъ исправленіемъ ученическихъ работъ; правильнѣе сказать: не „исправленіемъ“, а исполненіемъ самому въ ихъ тетрадахъ заданной работы, чтобы показать, какъ надо исполнять работы. Жаль, что ты не можешь самъ лично видѣть этихъ тетрадокъ: ты бы ужаснулся“ и проч.

нымъ началамъ жизни нашего народа, о его не потухавшей вѣрѣ въ Бога и высшій міропорядокъ, равно какъ и лучшій идеальный міръ по ту сторону земного бытія... При такихъ весьма привлекательныхъ чертахъ характера, въ связи съ многосторонностью его знаній и кипучей, всегда юной энергіей въ трудѣ, „Трофимъ Петровичъ“ пользовался искреннею любовію и уваженіемъ у многихъ своихъ товарищей по наукѣ, у сослуживцевъ и учащихся. Извѣстіе о безвременной кончинѣ его несомнѣнно встрѣчено будетъ скорбію въ сердцахъ лицъ, хорошо его знавшихъ. Пусть же не зарастаетъ тропа къ могилѣ, скрывшей въ своихъ нѣдрахъ этого серьезнаго труженика науки и школы и рѣдкаго нынѣ по жизненнымъ идеаламъ и душевнымъ качествамъ человѣка. Похороненъ онъ на Митрофаніевскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ. Вѣчная ему память!

Предъ опусканіемъ въ могилу гроба почившаго братомъ его Павломъ Петровичемъ Петрушевымъ была произнесена слѣдующая рѣчь.

Милый, несравненный, единственный Братъ мой Трофимъ! Слышишь ли ты меня? Внемлешь ли ты воплю изстрадавшагося, измученнаго жгучею тоскою моего сердца?... Это — болѣзненный крикъ брата — птенца, вышедшаго съ тобою изъ одного гнѣздышка, взросшаго подъ одними родительскими крылышками, вскормленнаго однимъ домашнимъ хлѣбомъ и воспитаннаго одиѣми школьными крохами. Слышишь ли?... — Нѣтъ, Братъ мой, ты уже не слышишь, не видишь, не ощущаешь тѣми внѣшними органами, которые доселѣ связывали тебя съ настоящимъ міромъ — видимымъ, слышимымъ, осязаемымъ. Иначе уже ли ты не откликнулся бы на зовъ мой?... И нынѣ стою я предъ твоимъ безмолвнымъ тѣломъ у разверстой могилы, погруженный въ свое тяжкое горе, одинокій, лишенный навсегда здѣсь твоего ободряющаго, добраго, умнаго и твердаго слова, твоего милаго, ласковаго взора. Горько скорблю и плачу, и кто заградитъ источникъ слезъ моихъ, кто утолитъ огненную жгучесть печали моей? Плакалъ нѣкогда Давидъ о своемъ братѣ названномъ Іонаанѣ, безременно погибшемъ отъ руки Филистимлянъ на горахъ Гелвуйскихъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ. „Прекрасная серна твоя, Израиль, зывалъ онъ,

погибла на высотах твоих... Скорблю о тебѣ, братъ мой Ионаанъ, ибо ты былъ очень дорогъ для меня"... А мнѣ какъ не скорбѣть, не стонать о тебѣ, Братъ мой, уже не названный только, а искренній—единоутробный и единокровный со мною, съ которымъ я сросся вѣмъ существомъ моимъ, всею жизнію моею, одними бѣдными средствами жизни, одними радостями, горестями, наконецъ, завѣтными святыми идеями?... Да. Я скорблю о прекращеніи такимъ трагическимъ образомъ столь крѣпко сложившейся у насъ вѣшной, естественной связи!...

Однако совершенно ли тщетно взываю я къ тебѣ, Братъ мой? Напрасно ли я говорю тебѣ? Безысходна ли печаль моя? Безнадеждна ли скорбь моя?... Нѣтъ Я слышу слова св. Ап. Павла: „да не скорбите, якоже прочіи, не имущіи упованія“ (1 Сал. 4, 13). Я счастливъ моею вѣрою въ Господа нашего Иисуса Христа, воскресшаго изъ мертвыхъ, счастливъ Его неложнымъ обѣтованіемъ, что человекъ, „слушающій слово Его, и вѣрующій въ Пославшаго Его Отца имѣетъ жизнь вѣчную, и на судъ не приходитъ, но перешолъ отъ смерти въ жизнь“ (Ин. 5, 24)... Я знаю, что здѣсь совершилось то таинство, о которомъ сказалъ Премудрый: „и возвратится прахъ въ землю, чѣмъ онъ и былъ; а духъ возвратится къ Богу, Который далъ его“ (Еккл. 12, 7)... Я зрю нынѣ прекрасный духовно-нравственный обликъ почившаго моего Брата, полный реальности и жизненной силы, въ томъ видѣ, какимъ онъ былъ и есть теперь, независимо отъ разнообразныхъ измѣненій тѣла. Я вижу сейчасъ этотъ полный разума, живыхъ порывовъ въ безконечную даль къ идеалу и благородныхъ чувствъ духовный образъ, въ единствѣ, простотѣ и цѣльности его свѣтлой личности. Я вѣрую, что Твой, Братъ мой, чистый, недѣлимый и нетлѣнный духъ еще витаетъ съ нами... Ты даже слышишь, видишь, ощущаешь насъ, наши слова, наше состояніе, наши чувства, только инымъ, чисто духовнымъ образомъ. И вотъ, я здѣсь уже бесѣдную съ тобою, Братъ мой, съ инымъ примирившимся чувствомъ. Какъ ни жгуча моему братскому сердцу скорбь по тебѣ, однако, при свѣтѣ вѣры и моего вѣщаго внутренняго чувства, уже представляются мнѣ далеко не такъ безотраднымъ отшествіе твое и наша, какъ говорится, вѣчная разлука съ тобою. Оборвалась золотая цѣпь жизни твоей, при томъ какъ разъ предъ выполненіемъ важной жизненной задачи твоей. Для меня и для другихъ, провожающихъ и окружающихъ нынѣ тебя, равно какъ и для многихъ отсутствующихъ сродниковъ твоихъ, друзей и знаемыхъ трагическая смерть твоя сколько горестна,

столько же и ужасна. Но вотъ, я оглядываюсь назадъ къ пройденному тобою поприщу жизни и гляжу впередъ, къ пути, въ онъже идеши днесъ, душе—Брате мой,—и что же? Тамъ назади я всюду вижу блескъ, жаркія искры добра, скромно, но обильно посѣянные въ людяхъ твоею честною, усердною общественною дѣятельностію и твоимъ личнымъ вліяніемъ въ кружкѣ людей, близко тебя знающихъ. Говорить ли мнѣ о твоихъ серьезныхъ научныхъ занятіяхъ или о ревностныхъ трудахъ по обученію и воспитанію другихъ? Сказывать ли здѣсь о твоемъ безкорыстїи, благородствѣ духа твоего и полной готовности служить благу ближняго, нуждающемуся въ чужой помощи? Говорить ли о твоихъ высокихъ общественныхъ идеалахъ, о твоей горячей, нелицемѣрной любви къ родинѣ, къ нашему славному отечеству, о твоей преданности къ историческому укладу нашей русской жизни и, наконецъ, и это главное,—о не потухавшей въ тебѣ искренней, здоровой и живой вѣрѣ въ Бога и въ тотъ міръ, гдѣ сіяетъ вѣчный Божественный свѣтъ и откуда изливается на насъ всякое благо и всякій даръ совершенный? Едва ли кто больше тебя зналъ, какъ мого зла въ мірѣ. Но благодареніе Богу, душа твоя не погрязла во мракѣ пессимизма, въ злостномъ, черствомъ, безсердечномъ критицизмѣ, въ злобномъ издѣвательствѣ, въ ядовитой насмѣшкѣ надъ всѣми святыми... Нѣтъ, тебя спасалъ отъ этого наслѣдованный изъ дома и школы свѣтлый взглядъ на Божій міръ, чистый идеализмъ, вѣрившій въ торжество правды и добра. И какъ ты любилъ этотъ идельный міръ! Мало того. Какъ много содержанія привносилъ ты въ этотъ міръ своею свѣтлою, чистою, благородною личностію, своимъ умѣньемъ обойтись съ людьми своею чарующею простотою, своимъ безобиднымъ, добродушнымъ остроуміемъ... Здѣсь я позволю себѣ обратиться къ міру нравственному, стоящему выше вседневной дѣйствительности. Если мы отрѣшимся отъ мелкихъ житейскихъ интересовъ, счетовъ и дрязгъ, то мы найдемъ и въ нашей жизни наличность высшаго порядка, строя, основывающагося на началахъ, взятыхъ какъ бы съ *много* міра. Говоря иначе, наличная дѣйствительность представляетъ какъ бы смѣсь или противоположность добра и зла. Последнее—внизу: оно копошится и мечется, язвитъ и душитъ все ему противоборствующее, чтобы совсѣмъ утвердиться въ мірѣ. Однако высоко надъ нимъ рѣшетъ другой элементъ жизни—добро во всемъ его богатствѣ и разнообразїи, окружая родъ людской, какъ бы радугой, чуднымъ сочетаніемъ разнообразныхъ цвѣтовъ нравственной, добродѣтельной жизни, со всѣми безконечными и

чудными переливами въ ихъ взаимныхъ сочетаніяхъ. И цвѣта эти искрятся на свѣтѣ Божиѣмъ вѣчнымъ лучезарнымъ блескомъ, озарая въ своей совокупности жизнь человѣческую чуднымъ Божественнымъ свѣтомъ. Гдѣ же эти цвѣта? Откуда они исходятъ? Какъ создается та лучезарная радуга, которая знаменуетъ и запечатлѣваетъ милость Божія къ роду человѣческому? Цвѣта этой радуги разсѣяны во всемъ духовно-нравственномъ мірѣ, проявленіе же и чудныя сочетанія ихъ зависятъ отъ людей, или собственно — отъ Бога. Братъ мой... Не отъ тебя, но отъ себя лично скажу, что благодать Божія жива была и въ тебѣ и *не тща бысть*, ибо и ты немало прибавлялъ красокъ въ мой небесной, духовно-нравственной, идеалистической радугѣ. Я думаю, что смерть, внезапно постигшая тебя, послана тебѣ не только во искупленіе грѣховъ твоихъ, вольныхъ и невольныхъ, но и во увѣнчаніе твоихъ добродѣтелей, твоего честнаго и усерднаго служенія идеалу добра и правды, ибо образъ смерти только въ глазахъ людей кажется, *гибелью и уничтоженіемъ*, а на самомъ дѣлѣ Богъ, какъ учитъ премудрый, часто принимаетъ къ себѣ внезапно и необычайно тѣхъ, которыхъ *испыталъ какъ злато въ горниль и нашелъ ихъ достойными безсмертія и вѣчнаго блаженства* (Прем. Сол. 3, 1—7). Уповаю, что искры свѣта Божія, свѣтившія въ тебѣ, остались и въ сердцахъ твоихъ добрыхъ сослуживцевъ, питомцевъ, друзей, близкихъ и знаемыхъ. Да возгорятся же эти искры Божиі яркимъ пламенемъ въ томъ свѣтломъ мірѣ, который ты такъ любилъ, и который служитъ источникомъ всякаго истиннаго блага, всѣхъ лучшихъ радостей и счастья въ людяхъ... Такъ звѣзда, уходящая съ своего мѣста на небосклонѣ, оставляетъ за собою однако свѣтлый слѣдъ!

Но, Братъ мой, я утѣшаюсь и тѣмъ, что этотъ духовный свѣтъ твоей чистой, истинно - благородной, прекрасной души не остается лишь здѣсь, какъ сильный вкладъ въ общую сокровищницу добра въ мірѣ, а идетъ съ тобою въ царство небеснаго свѣта, къ подножію Престола Божія, предъ Лице нашего нелицепріятнаго Судии. Молю Бога, чтобы ты узрѣлъ тотъ милосердый и блаженный Ликъ Господа нашего и услышалъ изъ устъ Его: „рабе благій и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю; вниди въ радость Господа твоего“ (Мѡ. 25, 21). Да будетъ тебѣ часть съ тѣми святыми, которые въ бѣлыхъ одеждахъ, окрашенныхъ мученическою кровію, предстоятъ престолу Божію и въ сонмѣ множества праведниковъ восклицаютъ: „Аллилуія! Спасеніе и слава и честь и сила Господу

Ты уже скончалъ здѣсь свой подвигъ, а я еще остаюсь при немъ. Братъ мой, столь участливый къ моимъ дѣламъ и положенію во дняхъ жизни сей! Молись, чтобы и мнѣ не ослабѣть въ трудѣ моемъ, безъ твоей видимой поддержки, безъ твоихъ прекрасныхъ и серьезныхъ совѣтовъ, да не постигнетъ меня осужденіе раба лѣниваго и лукаваго, но да буду съ тобою принять милостиво Праведнымъ Судіей. Въ тотъ день, въ который гробы отверзутся и мертвіи изыдутъ на судъ, да дастъ намъ Господь изыти рука объ руку съ тобою въ срѣтеніе нелицепріятнаго Судіи и услышать изъ устъ Его милостивый гласъ: „Приидите, благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ сложенія міра... (Мѡ. 25, 34). До свиданія тамъ—въ другомъ мірѣ—духомъ, а по общемъ воскресеніи—и преображеннымъ тѣломъ! Прости!...

П. Петрушевскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

Л. С. Богдановскій

Полтава, Петровская площадь, соб. д.

Искусствен. зубы на золотъ и каучукъ, съ небомъ и безъ неба. Золотыя и фарфоровыя пломбы. Удаленіе зубовъ безъ боли.

(годовое).

ИКОНОСТАСНАЯ МАСТЕРСКАЯ СТЕФАНА ФЕОДОРОВИЧА ЕРМАКОВСКАГО

въ г. Черкассахъ, Кіевской губерніи.

Принимаетъ заказы новыхъ иконостасовъ, кіотовъ, церковныхъ и домашнихъ, ремонтровку старыхъ иконостасовъ, покраску и роспись церквей живописью и фресковыми орнаментами;

на всевозможную живопись и чеканку, а также на картины масляными красками разных сюжетовъ и малярныя домовыя работы.

Все вышепоименованное исполняю добросовѣстно, по умѣреннымъ цѣнамъ и выполняю въ срокъ.

Исполнялъ иконостасныя работы въ Полтавскомъ кафедральномъ соборѣ.

— За доброкачественность моихъ работъ имѣю много аттестатовъ. —

Фирма существуетъ съ 1879 года.

СОДЕРЖАНИЕ: I.— VIII Глава перваго посланія Апостола Павла къ Коринтянамъ (окончаніе). II.— Къ вопросу о преподаваніи Закона Божія въ нашей начальной одноклассной школѣ. III.— Къ выясненію понятія о сектанствѣ. IV.— Посѣщеніе Преосвященнымъ Іоанномъ с. Чутовки Лубенскаго уѣзда. V.— Библиографическая замѣтка. VI.— Некрологъ. VII.— Объявленія.

Редакторы, преподаватели семинаріи: | *В. Терлецкій.*
| *В. Конопатовъ.*

Печат. съ разр. мѣстн. дух. цензуры 10 Сентября 1908 г.